

ГЛАВА II.

ПЕРИОД РОСТА: ВРЕМЯ ЭТАТИСТСКОЙ МОНАРХИИ

2.1. НОВАЯ ВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПОЯВЛЕНИЕ ЛИНЕЙНОЙ ТАКТИКИ

Начиная с XVI века крупные военные инновации в Европе следовали одна за другой: вслед за появлением первых регулярных корпусов, вооруженных огнестрельным оружием, пришло время баталий и терций, затем появились полковые пушки, а потом — фузея, штык и линейная тактика. Эти инновации можно считать отдельными военными революциями или этапами одной перманентной военной революции — в любом случае механизм их воздействия на общество был один и тот же: они вызывали волну завоеваний и перенимание окружающими странами новой военной техники, создание вооруженных новым оружием регулярных армий, увеличение налогов, часто приводящее к голоду и народным восстаниям, усиление этатистской монархии, перераспределение ресурсов в пользу государства и в ущерб дворянской элите, конфликт между монархией и элитой, а потом — традиционалистскую реакцию.

Очередная военная революция пришла в Европу в конце XVII века. До этого времени технические достижения касались главным образом артиллерии: пехота продолжала пользоваться тяжелыми мушкетами, стрелявшими с сошки. Так как скорострельность была низкой, то огневое воздействие было еще сравнительно слабым, и пехота не могла остановить огнем атаку кавалерии. Для защиты от кавалерийских атак мушкетерам придавались подразделения пикинеров; в нужный момент пикинеры выходили вперед и выставляли навстречу вражеским кавалеристам свои 5-метровые пики. Атаку пехотного строя противника после залпа мушкетеров также проводили пикинеры: они смыкались в передних линиях и атаковали врага примерно так же, как это делала фаланга Александра Македонского.

На поле боя пикинеры и мушкетеры строились квадратной колонной, которую в Германии называли баталией, а в Испании — терцией. По периметру баталии располагались мушкетеры, внутри баталии — пикинеры; в общей сложности баталия насчитывала от 2 до 5 тыс. солдат. Перестроения, связанные с выходом пикинеров на внешний фронт, были достаточно сложными: в некоторых случаях мушкетерам приходилось проползать под опущенными пиками. Эта сложность перестроения требовала длительной подготовки солдат, поэтому армии XVII века состояли главным образом из профессиональных наемников. Голландский полководец Мориц Оранский и шведский король Густав Адольф пытались строить свои войска более мелкими батальонами, вытягивая их в линию с тем, чтобы более эффективно использовать огневую мощь мушкетеров — однако эти паллиативные преобразования не решали главной проблемы взаимодействия пикинеров и мушкетеров.

Новый этап военной революции был связан с появлением двух важных военных инноваций, штыка и кремниевого замка. В 1646 году французские мушкетеры получили на вооружение багинет, клинок 30-сантиметровой длины, узкая рукоять которого вставлялась в дуло мушкета, на время превращая его в копьё. Багинет использовался при отражении кавалерийских атак и в рукопашном бою, но это был лишь первый шаг на пути к изобретению штыка. В 1684 году некоторые французские полки получили на вооружение клинок с пустой ручкой, надевавшийся на ствол мушкета. Это дало возможность стрелять, не снимая клинок со ствола, но и в этом варианте заряжать мушкет было невозможно. Наконец, в 1699 году была создана трубка с горизонтальной шейкой, превратившая багинет в настоящий штык¹.

Одновременно с 1660-х годов происходила замена старого фитильного замка в мушкетах кремниевым ударным замком. Это усовершенствование упростило процесс заряжания мушкета и увеличило его скорострельность с одного выстрела в две минуты до трех выстрелов в минуту. Также был существенно снижен вес мушкета; облегченный кремниевый мушкет получил во Франции название «фюзиль», превратившееся в России в «фузею»².

Таким образом, огневая мощь мушкета резко увеличилась, а штык превратил его в комбинированное стреляющее и колющее оружие; это дало возможность отражать атаки кавалерии огнем и штыками. В результате присутствие пикинеров в составе батальонов стало излишним. В 1684 году пика была снята с вооружения в австрийской армии, в 1689 году — в армии Бранденбурга, а в 1703 году — во француз-

ской армии. На смену сложным передвижениям мушкетеров и пикинеров пришла линейная тактика: мушкетеры строились в линию из 4–6 шеренг; при приближении к противнику первая шеренга стреляла и становилась на колени, заряжая ружья, затем то же самое делала вторая шеренга, затем третья, и так далее (впрочем, очередность стрельбы могла меняться и в некоторых случаях шеренги не становились на колени, а менялись местами)³.

Пионером внедрения новой тактики была австрийская армия. Австрийцы первыми пожали плоды этих фундаментальных инноваций: предводимые Евгением Савойским, они в 1697 году разгромили турок в сражении при Зенте, и затем в союзе с англичанами одержали верх в так называемой войне за испанское наследство. В результате этих побед была завоевана Венгрия, Бельгия и часть Италии, территория габсбургской монархии увеличилась более чем вдвое, а Евгений Савойский стал самым знаменитым полководцем того времени. Таким образом, новое фундаментальное открытие породило волну австрийских завоеваний и привело к рождению огромной империи Габсбургов.

Однако к началу XVIII века от пики отказались еще не все европейские армии. Шведы восприняли линейную тактику, но сохранили в своем составе пикинеров, которые составляли треть в каждом батальоне. В силу этой особенности шведы стремились решать сражение быстрой атакой с применением штыков, пик и шпаг. Тактика быстрой штыковой атаки настолько увлекла Карла XII, что он стал уделять меньше внимания артиллерии, за что потом поплатился под Полтавой⁴. Очевидно, что путь прогресса не прямолинеен и даже лидирующая в военном отношении страна может совершать ошибки в своей военно-технической политике — ошибки, которые приводят к утрате лидерства.

Линейная тактика позволила в широких масштабах привлекать в войска «непрофессионалов», рекрутируемых из крестьян. Как отмечалось выше, первым рекрутские наборы начал проводить шведский король Густав Адольф, однако когда после разграбления Германии у шведов появились деньги, они отчасти вернулись к наемной армии. Позднее (в связи с очередными финансовыми трудностями) король Карл XI отказался от вербовки наемников и ввел систему *Indelting Werket*. Все военнообязанное мужское население было поделено на «роты» по 10 человек, и каждая рота должна была поставлять одного рекрута (всего около 37 тыс. солдат). Этому солдату выделяли ферму, «торп», на которой он со своей семьей жил в мирное время (иногда отлучаясь на учебные сборы). Во время войны «рота» помо-

гала семье солдата в сельских работах, а жалование солдату платило государство. Срок службы составлял 30 лет, и рота обязывалась заметить убитого или состарившегося солдата⁵.

«Индельта» была первой регулярной системой рекрутского набора, но вместе с тем она содержала в себе элементы будущих военных поселений. Система содержания армии, принятая в России при Алексее Михайловиче, в целом напоминала «индельту»: в мирное время многие солдаты жили в своих деревнях, иногда собираясь на учебные сборы. Численность московской пехоты «иноземного строя» в мирное время составляла около 30 тыс. человек (25 полков); на каждого солдата, живущего в своей деревне, община давала поручительную запись, гарантируя его возвращение в полк⁶. Де ла Невиль называет эти войска «милицией», подобно тому, как во Франции существовала провинциальная милиция, пополняемая рекрутскими наборами. Разница, однако, состоит в том, что во Франции основу армии составляли наемники, а милиция была лишь вспомогательным контингентом; служба в милиции в мирное время продолжалась только два года. Милиция существовала и в некоторых германских княжествах, но и там — в отличие от России — она не имела самостоятельного военного значения⁷. Таким образом, первые шаги к массовой регулярной армии, комплектуемой рекрутскими наборами, были сделаны Швецией, и вслед за ней — Россией. Как мы увидим далее, по этому пути следом за Россией пойдут и крупнейшие германские государства, Пруссия и Австрия. Во Франции же рекрутская повинность будет введена только после Французской революции и в форме всеобщей воинской обязанности.

Одной из проблем, вставших перед новой массовой армией, была проблема дисциплины и дезертирства. Естественно, что набираемые насильно рекруты были склонны к побегам, поэтому Густав Адольф ввел суровые наказания (в том числе шпицрутенами) за самовольные отлучки из лагеря и другие нарушения дисциплины. Шведский король создал военные суды и первый военно-уголовный кодекс, который потом лег в основу «Артикула воинского» Петра I⁸.

Таким образом, новые технические инновации, создание облегченной фузеи со штыком и кремниевым замком, породили линейную тактику и массовую армию, которая с течением времени стала комплектоваться путем рекрутского набора и превратилась в регулярную армию, находящуюся на постоянном казарменном содержании. Создание такой армии стало основной целью реформ Петра Великого.

2.2. МЕХАНИЗМ ДИФфуЗИОННОГО ВЛИЯНИЯ: ПРИМЕР ПЕТРА I

Вокруг реформ Петра Великого уже три столетия ведутся оживленные споры: в то время как одни историки (например, С. М. Соловьев) признают их кардинальным переворотом, «революцией», другие (как П. Н. Милюков) отказываются называть их реформами, ибо «хозяйничанье изо дня в день не представляет собой ничего похожего на реформу»⁹. Сложность восприятия петровского времени заключается в том, что в преобразованиях Петра было много внешнего, и такие мероприятия, как принудительное стрижение бород и резание рукавов кафтанов, произвели на общество большее впечатление, чем создание новой армии и флота. Будучи определены в своей основе глубинными историческими процессами, преобразования Петра в то же время представляют собой пример действия механизма диффузии, который в конечном счете работает через личные связи конкретных людей и поэтому в некоторой степени зависит от сочетания случайных событий. (Более подробное описание механизма диффузии можно найти в работах Е. В. Алексеевой¹⁰.)

Формирование личности Петра протекало в необычных условиях; волею случая он был отторгнут из дворцовой кремлевской среды, о его образовании никто не заботился, и в результате стечения обстоятельств его воспитателями стали не московские попы и дьяки, а голландские матросы и плотники — такие, как Тиммерман и Брандт. Эти люди сделали из русского царя матроса и плотника; юный Петр перенял у них страстную любовь к морю и плотницкому делу, позаимствовал простонародные манеры, голландскую одежду и страсть к табаку¹¹. В то же время он оказался лишен того, что считалось необходимыми качествами русского царя: набожности, православной образованности, уважения к церкви и к национальным традициям. До двадцати двух лет Петр вообще не занимался государственными делами, проводя время в строительстве яхт и в военных потехах. В это время у него появились новые друзья и «воспитатели», офицеры из Немецкой слободы; из их числа выделялись полковник Лефорг, который приучил Петра к неумеренной выпивке и свел его со своей любовницей Анной Монс, а так же генерал Гордон, которому Петр был обязан своей любовью к артиллерии и фейерверкам. Когда Петру было уже 25 лет, царь признался ганноверской принцессе Софии в том, что его настоящей страстью являются мореплавание и фейерверки. «Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек», — отметила принцесса София¹².

При всей случайности обстоятельств юности Петра, нельзя не признать, что во влиянии, оказываемом на царя его окружением, сказывалась сила технического превосходства Европы. За увлечением артиллерией стояли маневры в Кожухове, на которых Гордон продемонстрировал царю новую линейную тактику в сочетании с применением «полковых пушек». В любви к строительству кораблей проявлялось влияние другого фундаментального открытия Запада — именно тогда, в XVII веке, создание совершенных океанских парусных кораблей, флейтов, заложило основу торгового превосходства Голландии и Англии. Однако юный Петр не отделял главного от второстепенных деталей — и короткие голландские штаны для него были таким же символом превосходства Европы, как океанский корабль.

Голландская одежда Петра, его постоянное общение с иноземцами, пренебрежение официальными и религиозными церемониями — все это вызывало ропот и возмущение в народе. Патриарх Иоаким в своем завещании убеждал царя избегать общения с еретиками-протестантами, отказаться от иноземных одежд и обычаев. Когда после смерти Иоакима вопреки царю Святейший собор выбрал новым патриархом Адриана, Петр создал свой «всепьянейший собор», избравший «князя-папу», и принялся непристойным образом пародировать церковные процессии. Современные историки с недоумением отмечают, что хмельное существование «всепьянейшего собора», созданного, когда царю было восемнадцать, продолжалось до конца царствования Петра — и зрелый человек, ставший уже императором, предавался грубому шутовству, как если бы он был все тот же необузданный юнец¹³.

О том, до какой степени Петр пренебрегал московскими традициями, говорит его поведение после Азовского похода: в триумфальной процессии Петр в одежде голландского моряка шел пешком вслед за роскошной каретой Лефорта — это вызвало ропот в толпе и было расценено как унижение царского достоинства.

После взятия Азова царь решил строить большой флот на Азовском море и послал 50 дворян за границу учиться морскому делу. Весной 1697 года с той же целью в составе посольства поехал за границу и сам Петр; он ехал в Саардам, где были расположены знаменитые голландские верфи. Петр был настолько увлечен своими мечтами, что, подъехав к Рейну, бросил посольство, нанял маленькую лодку и пустился вниз по реке к верфям, даже не остановившись в голландской столице. Царь устроился плотником на верфь в Саардаме, но его инкогнито было вскоре раскрыто, и ему пришлось перебраться

ся на амстердамские верфи, а потом — в Англию, где он строил корабли в Дептфорде. Поведение русского царя многим казалось странным: было очевидно, что он занимается не царским делом. «Он создан природой скорее затем, чтобы стать корабельным плотником, чем великим правителем, — записал после встречи с Петром епископ Бернет. — Овладение этим ремеслом и являлось главным его занятием, пока он здесь находился»¹⁴.

Хотя молодой царь смотрел на мир глазами моряка и плотника — или, может быть, благодаря этому — Амстердам и Лондон произвели на него огромное впечатление. С этого времени в душе Петра поселилась мечта по мере возможности превратить Россию в Голландию, и главное, построить свой Амстердам, город кораблей, каналов и многоэтажных каменных зданий. Во время пребывания Петра в Амстердаме роль гостеприимного хозяина исполнял бургомистр и один из директоров Ост-Индской компании Николас Витсен. Витсен был известным ученым-географом, побывавшим в России и создавшим карту Северной Азии. Очевидно, что его академический интерес подпитывался стремлением компании к поиску новых рынков. Еще в 1690 году Витсен послал царю свою карту и книгу о «Северной и Восточной Татарии» и предложил организовать совместную торговлю с Персией и Индией по волго-каспийскому торговому пути. Видимо, под влиянием Витсена царь стал задумываться о дальних торговых экспедициях и включении России в мировую торговлю. Витсен составил для Петра «культурную программу», предусматривавшую беседы с купцами, посещение порта, мануфактур, мастерских, музеев и лабораторий крупных ученых. Петр некоторое время изучал анатомию и хирургию у профессора Рюйша и учился рисованию у знаменитого Шхонебека. В Англии Петр основательно освоил черчение и необходимые для кораблестроителя элементы математики и механики. Все это существенно расширило кругозор Петра, и он вернулся из поездки с большим багажом знаний¹⁵.

Петр познакомился и с гуманитарными аспектами европейской жизни. Он побывал в британском парламенте, познакомился с лидером квакеров Уильямом Пенном и некоторое время аккуратно посещал молитвенные собрания квакеров в Дептфорде. О том, что эти собрания произвели на царя глубокое впечатление, свидетельствует высказанная им Меншикову в 1716 году мысль о том, что всякий, кто сумеет следовать учению квакеров, обретет счастье¹⁶.

В целом поездка Петра в Голландию и Англию имела своим результатом приобщение русского царя к западной культуре, а точнее,

к голландскому культурному кругу, основными элементами которого были мореплавание, дальняя морская торговля и торгово-промышленное предпринимательство.

Когда Петр находился в Вене, гонцы из России доставили ему известия о стрельцком бунте. Осенью 1697 года четыре полка охранявших Азов московских стрельцов получили приказ идти к польской границе. Стрельцы были недовольны: им не платили жалованье и не дали зимних квартир — даже помимо других причин этого было достаточно, чтобы ненавидеть командовавших ими немецких офицеров. Между тем демонстративная дружба Петра с «немцами» уже давно вызывала ропот: «Попутали молодого царя еретик Францко Лефорт и немка Монсова». 6 июня 1698 года стрельцы подняли бунт; вожаки кричали: «Идти к Москве! Немецкую слободу разорить и немцев побить за то, что от них православие закоснело, бояр побить... а государя в Москву не пустить и убить за то, что сложился с немцами!»¹⁷

Очевидно, это было проявление *традиционалистской реакции* на демонстративную дружбу царя с немцами, на ношение иноземной одежды и богохульные попойки в Немецкой слободе. Речь не шла об оппозиции реформам — неразумное, с рациональной точки зрения, поведение Петра спровоцировало восстание еще до начала реформ. Жестокое усмирение восстания и показательные казни более тысячи стрельцов свидетельствовали о том, что царь не склонен прислушиваться к голосу оппозиции, что он намерен «цивилизовать» Россию самыми суровыми методами.

Однако преобразования, начатые Петром по возвращении на родину, носили эмоциональный и поверхностный характер. Были изданы указы о бритье бород и запрещении носить русскую одежду, о переносе празднования Нового года на 1 января. Реформы такого рода следуют обычно в заключительной фазе преобразований, после того, как осуществлены главные заимствования, касающиеся техники и общественных отношений. В то же время они наиболее болезненно воспринимаются обществом, потому что символизируют собой отказ от основных жизненных традиций. В 1766 году в аналогичной ситуации в Испании запрет ношения сомбреро вызвал большое народное восстание, и возмущенные толпы едва не взяли штурмом королевский дворец. Указ Петра также вызвал восстание — но не сразу, только в 1705 году против «немецкого платья» вспыхнул большой бунт в Астрахани.

В январе 1701 года протестантские настроения Петра нашли выход в секуляризационной реформе: монастырские и церковные вот-

чины были взяты под управление государства, которое забирало все доходы, оставляя монахам на содержание по 10 (а потом по 5) рублей в год. Хотя эта реформа официально объяснялась финансовыми соображениями, в действительности она дала государству лишь около 100 тысяч рублей в год – меньше 4% от всех доходов. Враждебность царя к монахам была такова, что им запретили иметь письменные принадлежности; в случае неуплаты «начетных» денег власти предписывали избивать архимандритов на правеже¹⁸.

Петр, конечно, понимал, что православная церковь является опорой традиционализма и по мере возможности будет сопротивляться реформам. Стрелец и монах были для него на одно лицо – но в любом случае в этом открытом объявлении войны православию проявлялся иррациональный, юношеский максимализм царя, который наложил свой отпечаток на весь процесс преобразований.

2.3. ВОЕННАЯ РЕФОРМА И ВТОРАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Итак, Петр I усвоил западную культуру, в основном в ее голландском варианте. Однако первостепенные интересы России требовали в первую очередь освоения западных военных инноваций, связанных с развитием артиллерии и линейной тактики. Это были элементы других культурных кругов, австрийского и шведского. Как отмечалось выше, пионером внедрения линейной тактики в конце XVIII века была австрийская армия Евгения Савойского. В 1697 году Петр послал к принцу Евгению майора Преображенского полка австрийца Адама Вейде, который прошел стажировку в имперских войсках и даже участвовал в знаменитой битве при Зенте. По возвращении в Москву Вейде на основе австрийских документов подготовил новый воинский устав под названием «Краткое обыкновенное учение». По этому уставу полк состоял из одних мушкетеров, вооруженных ружьем с багинетом; мушкетеры строились в шесть шеренг и вели стрельбу залпами. В уставе описывались также приемы штыковой атаки; солдаты получали форму австрийского образца («венгерские кафтаны»)¹⁹.

В Россию были приглашены два австрийских фельдмаршала, герцог де Кроа и барон Огильви. По словам К. Манштейна, именно Огильви русские «обязаны первоначальным наведением порядка и дисциплины в русской армии, и в особенности в пехоте»²⁰.

Решение Петра начать войну со Швецией было связано с проектом Н. Витсена о создании торгового пути с Каспия на Балтику

для вывоза в Европу персидского шелка. Царь объяснял Северную войну желанием открыть торговлю с дальними странами, «дабы народ через то облегчение иметь мог»²¹. Приобретение балтийских портов и последовавшая затем экспедиция в Персию были частью единого плана – и Витсен приложил все силы, чтобы помочь Петру осуществить его. Когда русские вышли на берега Невы, Витсен сразу же послал к Петру один из своих кораблей – это был тот самый первый корабль, который «царь-лоцман» самолично провел к Петропавловской крепости²². По сообщению датского резидента Г. Грунда, Петр полагал, что овладение персидской шелковой торговлей позволит окупить все издержки шведской войны²³; в 1723 году Петр действительно направил войска в Персию и захватил «шелковую» провинцию Гилян. Хотя казалось бы, все было рассчитано точно, однако оккупация Гиляна не дала ожидаемых выгод. Военные власти оказались неспособны организовать эффективное управление, доходы от шелковой торговли расхищались, войска потеряли боеспособность из-за косившей солдат малярии. В любом случае оккупация могла продолжаться лишь до тех пор, пока в Персии не появится сильный правитель, и с воцарением могущественного Надир-шаха России пришлось вывести свои войска. Таким образом, попытка направить восточную торговлю через Россию в конечном счете закончилась ничем²⁴.

С военной точки зрения, нападение на Швецию было связано с большим риском: в России не было качественного железа для производства мушкетов, а единственным поставщиком железа была как раз Швеция. Меди для легких полковых пушек в России также не было, и ее тоже привозили из Швеции²⁵. Решиться в таких обстоятельствах на войну можно было лишь при условии голландской поддержки – и эта поддержка была оказана: Н. Витсен через посредство компании Любса в огромных количествах поставлял Петру оружие в самый трудный допотопский период войны²⁶.

Подготовка к войне со Швецией началась в ноябре 1699 года, когда было объявлено о наборе даточных по 1 человеку с 50 дворов и одновременном наборе добровольцев-наемников – причем разрешалось записываться холопам и крепостным. Беря пример с Австрии и Голландии, Петр полагал, что настоящими солдатами могут быть только наемники, которым хорошо платят, поэтому он пытался перейти от набора даточных к вербовке добровольцев²⁷. Петровский солдат получал 11 рублей в год плюс кормовые – в общем, на дневную плату в 3 копейки можно было купить 10 кг хлеба – каменщик зарабатывал немногим больше. Кроме того, солдаты получали паек по нор-

мам австрийской армии: два фунта хлеба, один фунт мяса и один гарнец пива в сутки. Не удивительно, что две трети новобранцев 1699 года составляли добровольцы²⁸.

К осени 1700 года из новобранцев было сформировано 27 полков. Саксонский генерал Ланген, видевший русскую армию до Нарвы, находил ее превосходной по составу: люди все были рослые, молодые, хорошо обмундированные и обученные стрельбе так хорошо, что не уступали немецким полкам²⁹. Среди командиров полков не было ни одного русского, офицерами тоже были преимущественно иностранцы. Однако этот новый офицерский состав был набран наспех, и по отзыву генерала А. М. Головина многие из них были «гуляки великие», некоторые «за мушкет взяться не умели»³⁰.

Существенные сдвиги произошли и в артиллерии. Новая артиллерия была создана по шведскому образцу и состояла из 3-фунтовых полковых пушек весом в 20 пудов. Производство этих орудий (вместо прежних 2-фунтовых) было освоено незадолго до войны, но они уступали шведским пушкам, которые при немного меньшем весе имели 4-фунтовый калибр³¹. Каждому полку новой армии (так же, как в Швеции) было придано две полковые пушки³².

Таким образом, первоочередная задача заимствования фундаментальных военно-технических достижений была решена достаточно быстро, и для этого не нужно было воевать со шведами. Решение этой задачи было облегчено тем, что реформирование армии по шведскому образцу началось еще при царе Алексее Михайловиче, методы комплектования полков «иноземного строя» были уже опробованы, и Петру было достаточно закупить новые мушкеты и обучить рекрутов новой линейной тактике.

После сражения под Нарвой Петр говорил, что новобранцы были плохо обучены: ему нужно было как-то объяснить поражение. Но истинная причина разгрома заключалась, по-видимому, в другом. После указов о бородобритии и запрещении национальной одежды у русских солдат были веские причины не любить своих немецких офицеров. Офицеры чувствовали себя неуверенно, многие из них еще не успели освоиться в новых условиях: стоит вспомнить о том, что австрийский фельдмаршал герцог де Кроа был назначен командующим за день до начала сражения; он не знал своих офицеров и не владел русским языком³³.

Ни Петр, ни русское командование не ожидали, что шведский король осмелится атаковать вчетверо более многочисленную армию, находящуюся в укрепленном лагере. Однако сражение, разыгравшееся 20 ноября 1700 года, до сих пор приводит в изумление военных

историков. Стоило шведам взобраться на земляной вал, как раздались крики: «Немцы изменили!» — и русские солдаты принялись избивать своих офицеров. «Пусть сам черт дерется с такими солдатами!» — воскликнул де Кроа и вместе с другими немецкими офицерами поспешил сдаться в плен³⁴. По-видимому, это был единственный случай в военной истории, когда командующий искал в плену спасения от своих солдат. По существу, то, что произошло под Нарвой, было продолжением стрелецкого бунта, проявлением традиционалистской реакции на реформы Петра — этот бунт произошел во время сражения со шведами и обеспечил им победу над многократно сильнее противником.

Таким образом, поразительная победа шведов была следствием «обратного порядка» петровских реформ. После битвы приближенные Карла XII советовали королю вторгнуться в Россию, поддержать приверженцев Софьи и воспользоваться недовольством стрельцов и черни, противившихся введению «немецких» обычаев³⁵. Карл XII был хорошо осведомлен о глубоком конфликте, расколовшем русское общество, но он не воспользовался открывавшимися перед ним возможностями.

Под Нарвой Россия столкнулась с армией, первой овладевшей новым оружием, армией, победы которой еще недавно олицетворялись с волной завоеваний, порожденной фундаментальным открытием, «полковой пушкой». Своеобразие ситуации, однако, заключалось в том, что в то время волна не угрожала России — шведская агрессия направлялась на Германию и Польшу, где в плане военной добычи война сулила большие перспективы. Россия, вероятно, стала бы объектом дальнейших завоеваний — но Петр сумел позаимствовать новое оружие до того, как его страна подверглась удару волны, и более того, сам напал на потенциального агрессора. Однако «странная победа» под Нарвой создала у гордых обладателей нового оружия обманчивое впечатление о неспособности «русских варваров» заимствовать их достижения.

Как бы то ни было, Россия получила передышку, и Петр смог приступить к восстановлению армии. После нарвского разгрома выяснилось, что Россия была совершенно не подготовлена к войне — не было ни пушек, ни ружей, ни шпаг, ни сукна для солдатской формы. Даже седла, палатки и сапоги пришлось первое время закупать за границей³⁶. Под Нарвой была потеряна большая часть артиллерии — 177 пушек и мортир, и Петр решил на поступок, который многие сочли святотатством — он приказал снимать с церкви колокола и переливать их в пушки. «Ради бога, поспешайте с артиллери-

ею, как возможно: время яко смерть», — писал Петр «надзирателю артиллерии» Андрею Виниусу; в ответ Виниус предлагал снять медную кровлю с кремлевских дворцов³⁷. Переплавка колоколов дала 90 тыс. пудов меди — это было очень большое количество металла: Англия, лидировавшая в середине XVIII столетия в выплавке меди, производила в год около 230 тыс. пудов. Из колокольной меди в 1701 году на Московском пушечном дворе было отлито 243 полковых пушки; непосредственно отливкой руководил ближайший помощник Виниуса, голландский мастер Иоган Гошке, который ввел проверку качества литья и усовершенствовал пушечные лафеты³⁸.

Однако колокольная бронза не могла спасти положения, война продолжалась, и орудий требовалось гораздо больше. Нужно было создавать новую военную промышленность и ускорять строительство заводов на Урале. Осенью 1701 года была пущена первая домна Каменского завода, и вскоре первые пять пушек санным путем, не дожидаясь вскрытия рек, привезли в Москву. Присутствовавший на испытаниях Виниус сообщил царю, что орудия оказались «зело изрядны». В 1702 году было отлито 180 пушек; их доставляли в Москву как можно быстрее, на санях, в подводах. В 1703 году английские мастера Жартон и Панкерст в присутствии Виниуса запустили вторую домну Каменского завода; в этом году было отлито 572 орудия, и проблема с артиллерией была решена³⁹.

Одновременно с воссозданием артиллерии решалась проблема производства ружей. В начале войны тульские мастера могли изготавливать лишь несколько тысяч ружей в год; качество было плохим, царю приходилось самому присутствовать на испытаниях; если ружья разрывало, то мастеров били батогами. Между тем по штатам 1711 года для армии требовалось более 170 тыс. ружей. В 1701–1710 годах за границей было закуплено 115 тыс. ружей и ружейных стволов; эти закупки производились в основном голландской компанией И. Любса, тесно связанной с другом Петра Н. Витсенем. Закупки продолжались до 1712 года, когда в Туле был пущен большой оружейный завод; в 1714 году на этом заводе было произведено из уральского железа 14 тыс. ружей. Благодаря естественным легирующим добавкам уральское железо давало превосходный материал для ружейных стволов; австрийский посол Отто Плейер писал, что нельзя отыскать железа лучше, чем сибирское⁴⁰.

В целом за время правления Петра было построено около полусотни металлургических и оружейных заводов, и производство чугуна возросло с 150 до 800 тыс. пудов⁴¹. Но для армии были необходимы также мундиры; в 1704–1705 годах были построены две большие

суконные мануфактуры в Москве и Воронеже, однако они давали лишь пятую часть потребного сукна. В 1705–1710 годах в Англии и Голландии было закуплено 300 тысяч аршин сукна. Петру так и не удалось решить проблему обмундирования, и до конца XVIII века сукно в больших количествах ввозили из-за границы. Для обеспечения армии и флота Петр строил также полотняные, кожевенные, амуничные мануфактуры — в общей сложности было построено около 200 мануфактур, заложивших начало русской промышленности. Большинство рабочих на этих мануфактурах составляли «приписные» крестьяне из соседних деревень — они были обязаны отрабатывать на мануфактурах несколько месяцев в году. Петр стремился привлечь в новую промышленность купеческие капиталы и часто передавал построенные им предприятия (вместе с «приписными крестьянами») компаниям купцов с обязательством поставлять часть продукции казне. Таким образом, к концу царствования Петра большая часть предприятий принадлежала купцам, но деятельность этих фабрикантов строго регламентировалась⁴².

Одновременно с созданием военной промышленности проводились мероприятия по созданию огромной новой армии. В первые годы после Нарвы Петр ограничился восстановлением и доукомплектованием разбитых дивизий «прибором» людей из «старых служб» — главным образом из стрельцов; он по-прежнему не доверял «даточным»⁴³. Но необходимость создания большой армии заставила царя вернуться к массовым наборам, подобным наборам 1658–1660 годов. В феврале 1705 года был произведен первый большой набор «даточных» (теперь их называли рекрутами) — по 1 человеку с 20 дворов, затем большие наборы повторялись ежегодно до 1709 года. По этим наборам было призвано 118 тыс. рекрутов. К 1708 году полевая армия увеличилась в два с половиной раза, она насчитывала теперь 57 пехотных и 28 кавалерийских полков, 113 тыс. солдат (но кроме того, были еще многочисленные гарнизонные части)⁴⁴.

Естественно, подневольные крестьяне, загнанные в армию силой, использовали любой удобный случай для бегства. Во время следования в полк рекрутов заковывали в колодки, тем не менее в 1705 году из партии в 2277 человек бежало 895, в 1710 году из партии в 5715 человек бежало 1669 — таких примеров было множество. Бежали и с поля боя: после сражения при Головчине в 1708 году в дивизии князя Репнина насчитали 113 убитых, 218 раненых и 409 беглых. По указу 1705 года из каждых трех пойманных дезертиров одного вешали, а двух других секли кнутом и отправляли на каторгу — но дезертиров было так много, что армейские власти были не в состоянии всех каз-

нить. В 1712 году для удобства опознания беглых рекрутам стали делать наколку на правой руке в виде креста, в народе ее называли «печатью антихриста»⁴⁵.

С точки зрения теории культурных кругов поражение от завоевателей, обладающих новым оружием, («удар завоевательной волны») должно было бы породить спешное перенимание их военной технологии. Такое перенимание действительно имело место: полки русской армии получили организацию шведского образца (они делились на 2 батальона по 4 роты). Комплектование полков (как и в Швеции) стало территориальным: полки носили название того города или области, откуда получали рекрутов, и если солдат погибал или дезертировал, с его деревни требовали нового рекрута. Был введен 4-шереножный строй, и Петр срочно принялся переучивать свою армию с австрийского на шведский вариант линейной тактики; приоритет теперь отдавался штыковой атаке, в армию вернули пикинеров. В действительности Петру не нужно было ничего менять, военная реформа была проведена заблаговременно, перед войной. В дальнейшем оказалось, что австрийский вариант линейной тактики был более эффективным, и в 1730-х годах русская армия вернулась к «стреляющим линиям»⁴⁶. Однако одно нововведение тех времен было довольно существенным: багинеты были заменены на штыки, и Р.Хелли полагает, что именно это новшество позволило петровской армии отказаться от прежней оборонительной тактики⁴⁷.

Таким образом, мобилизовав ресурсы страны и резко увеличив налоги, царь смог создать огромную, более чем 100-тысячную полевую армию. Карл XII не верил, что огромная русская армия овладела секретом нового оружия — он самонадеянно бросил свои войска в штыковую атаку под Полтавой, и на большей части фронта шведские линии не успели добежать до противника: они были сметены картечью полковых пушек⁴⁸.

2.4. ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ

После реформ Ивана Грозного и Алексея Михайловича реформы Петра I были третьей военной революцией. Каждая военная революция сопровождается трансформацией структуры, качественными изменениями в структуре «государство — элита — народ». Как и во времена Ивана Грозного, трансформация структуры означала создание постоянной армии, что влекло за собой государственную централи-

зацию, перераспределение ресурсов в пользу государства, увеличение налогов и отягощение дворянской службы. Петр I хорошо понимал близость своих задач и задач, стоявших перед Иваном IV. «Сей государь, — говорил Петр Великий о Иване Грозном, — есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великие его заслуги, называют его мучителем»⁴⁹.

Петровская трансформация структуры привела к радикальному изменению положения элиты. Как отмечалось выше, при царе Алексее Михайловиче началось переформирование дворянской элиты в рамках второй военной революции. Этот процесс был остановлен традиционалистской реакцией после смерти царя Федора и возобновился с началом Северной войны. Воздействие технологического фактора было настолько велико, что военная революция меняла не только распределение ресурсов между государством и элитой, но изменяла функции и положение элиты. Как и прежде, одним из основных моментов этого процесса было преобразование поместного ополчения в регулярную кавалерию. После Нарвы началось формирование новых регулярных кавалерийских полков. В 1700–1701 годах комиссия под председательством князя Б. Голицына произвела перепись всех дворян и их сыновей; всего было учтено 27 тысяч человек, и годные к службе были распределены по полкам. При этом существенно, что дворян теперь посылали на службу не в рейтары, а в драгуны; это было вызвано падением значения тяжелой кавалерии в результате усиления артиллерии и широкого применения картечи. Однако служба в драгунах означала умаление престижа дворян и должна была вызвать их недовольство⁵⁰.

Другим направлением преобразования элиты было создание нового офицерского корпуса. Петр полагал, что офицерами новой армии должны быть в основном дворяне — но для того чтобы стать офицером, дворянин должен был сначала получить необходимое образование, а затем в качестве солдата пройти военное обучение в гвардейских частях. В 1714 году было указано всех дворянских недорослей десяти лет определить для учебы в новосозданные «цифирные» школы; это мероприятие было сопряжено с отрывом детей от семьи — ведь школы имелись лишь в немногих губернских городах. Учеба в школах продолжалась до 16 лет, после чего юношей распределяли рядовыми в полки. Отпрыски знатных фамилий обычно служили в гвардии; тех, кто не служил в гвардии и «с фундамента

солдатского дела не знает», было запрещено производить в офицеры. Особенно престижно было служить в конногвардейском полку, там числилось около 300 рядовых из князей⁵¹.

Если раньше дворяне жили в поместьях и собирались лишь перед началом похода, то теперь служба стала постоянной. После окончания Северной войны постепенно установился порядок, по которому в мирное время офицер раз в два года мог получить полугодовой отпуск. Отставку давали только за старостью или увечьем. Правда, можно было записаться на гражданскую службу, но число принимаемых в чиновники было ограничено третью от каждой фамилии, и требовалось соответствующее образование⁵².

Другой указ 1714 года вводил единонаследие поместий и вотчин, нарушенное в правление Софьи; по существу, это было частичное восстановление традиционной системы верстания «в припуск», когда один из сыновей заменял на службе отца. Кроме того, была запрещена продажа не только поместий, но и вотчин. В целом политику Петра I в отношении дворянства можно рассматривать как меры, направленные на реставрацию и усиление поместной системы, со времен Ивана III составлявшей основу российской этактистской монархии.

Отягчение службы, естественно, вызывало недовольство дворян, некоторые не являлись на смотр и скрывались в «нетях». В 1703 году многие дворяне не явились к сроку в стоявший в Пскове корпус Б. П. Шереметева. У «нетчиков» были отобраны поместья и вотчины – причем эти конфискации приобрели массовый характер; за время войны было конфисковано в общей сложности около 3 тысяч поместий⁵³. Таким образом, Петр эффективно использовал старый принцип поместной системы, возможность конфискации поместий; благодаря этому царю удалось навести дисциплину среди дворян⁵⁴.

Тем не менее недовольство дворянства оставалось постоянно действующим фактором. Французский эмиссар де ла Ви в 1716 году писал о том, что деятельность Петра крайне непопулярна, что дворянство недовольно. Ганноверский посол Ф. Х. Вебер придерживался того же мнения. Австрийский императорский посол О. А. Плейер сообщал о недовольстве и заговоре в гвардейских полках⁵⁵. Дело царевича Алексея показало, что к недовольным примыкали широкие круги старомосковского боярства, включавшие и часть генералитета – князя Долгорукие, Нарышкины, Апраксины, Голицыны. Следствие не подтвердило наличие заговора, но раскрыло картину широкой оппозиции. Голландский и австрийский послы сооб-

щали, что сторонники Алексея ставили перед собой четыре основные задачи: мир со Швецией, уход из Петербурга, отказ от регулярной армии европейского образца в пользу дворянской конницы и снижение налогов⁵⁶ — в основном это были традиционалистские требования.

Однако сила петровского государства была столь велика, что оппозиция не смогла объединиться для сколько-нибудь организованного сопротивления. Более того, в конце своего правления Петр смог приступить к решительной перестройке элиты в духе военно-бюрократического абсолютизма. Царь в большом количестве раздавал офицерские чины недворянам, и к концу Северной войны лишь 62% офицеров русской армии происходили из русских дворян (в пехоте 52%), остальные были из служилых людей, из городских сословий, 13% были иностранцами⁵⁷. В 1722 году была введена «Табель о рангах», установившая лестницу чинов и правила производства. Одно из этих правил имело фундаментальное значение: любой выходец из простолюдинства, получая чин 14-го ранга (прапорщик или секретарь) становился вместе с тем дворянином. Правда, чиновникам этот ранг давал только «личное» дворянство (без права передачи по наследству), но, дослужившись до 8-го ранга, чиновник становился стопроцентным дворянином. Таким образом, дворянское сословие было открыто для выходцев из низов — это было одно из важнейших проявлений трансформации структуры при Петре I. После реформы российская элита состояла из двух классов, собственно «дворян», то есть помещиков и офицеров, и «чиновников» — тоже дворян, но выслужившихся из народа. При этом дворянина, занимавшего высокий чиновный пост, никогда не называли чиновником. Дворяне неприязненно относились к чиновникам, видя в их возвышении покушение на свои привилегии. Во время событий 1730 года «шляхта» требовала исключить из дворянства петровских выдвиненцев; в 1758 году чиновникам было запрещено владеть крепостными. В середине XVIII века чиновники занимали около половины гражданских должностей, но в армии офицеров, происходивших из недворян, было гораздо меньше — около 1/6 от общего числа⁵⁸.

Другим важнейшим проявлением трансформации структуры было перераспределение ресурсов в пользу государства. Создание новой армии требовало огромных затрат, поэтому также, как и раньше, во время войн Алексея Михайловича, на первый план вышла финансовая проблема. В этой области правительство Петра в основном копировало реформы руководителей правительства царя Алексея Морозова и Милославского, но, учитывая опыт своих пред-

шественников, оно действовало более осторожно. В 1705 году была введена государственная монополия на продажу соли: она стала продаваться вдвое дороже, что давало казне около 200 тыс. руб. в год. В 1705–1710 годах расходы населения на покупку соли составляли 400 тыс. рублей⁵⁹, то есть примерно 4 коп. на человека – сумма, эквивалентная 0,8 пуда хлеба; это была существенная добавка к прямым налогам. Наибольшую выгоду давала монетная регалия: с 1698 года правительство чеканило серебряные копейки в полтора раза более легкие, чем прежде; население заставляли менять старую монету на более легкую, и от этой девальвации казна получала в 1701–1709 годах в среднем 500 тыс. рублей в год. Когда основная часть серебряной монеты была перечеканена, стали во все возрастающих масштабах выпускать медные деньги, которые должны были иметь хождение наравне с серебряными; чеканка медных денег давала в 1710–1718 годах 130 тыс. руб. прибыли в год⁶⁰. Зная о «медном бунте» 1662 года, Петр ограничивал размеры чеканки, и до 1714 года она почти не сказывалась на ценах, но в конце концов началась инфляция: в 1715–1721 годах хлебные цены возросли вдвое.

Морозов и Милославский боялись повышать прямые налоги с составлявших большинство населения помещичьих крестьян – Петр преодолел этот давний страх перед Смутой. Уже в начале Северной войны, в 1701 году, правительство повысило денежные налоги с поместных крестьян до 40 копеек со двора, в хлебном исчислении – с 0,7 до 1,9 пуда на душу; расходы бюджета возросли до 2,3 млн. руб. Но это было только начало, в 1705 году расходы составили 3,2 млн. рублей⁶¹, были введены чрезвычайные налоги, и в итоге прямые налоги на поместных крестьян в 1707–1710 годах достигли 2,3 пуда на душу⁶². Таким образом, Петр сломал старую государственную традицию, предусматривавшую щадящее обложение крестьян налогами. Именно этот «фискальный скачок» позволил царю резко увеличить армию и создать военную промышленность.

После окончания Северной войны армия не была распущена по домам, как делалось прежде; 210 тыс. солдат были переведены на постоянное содержание. Предполагалось, что полки будут расквартированы по деревням и будут принимать участие в сборе подушной подати, шедшей на их содержание. Крупнейшая в Европе постоянная армия стала основой мощи новой Российской империи; ее содержание было определено Петром I в 4 млн. рублей, но эти цифры были сразу же превышены: в бюджете 1725 года на армию предполагалось истратить 5,1 млн. руб., а на флот – 1,4 млн. В пересчете на хлеб военные расходы были примерно в 2,5 раза больше,

чем до Петра. Кроме того, если прежнее войско финансировалось по большей части за счет кабацких и таможенных пошлин, то содержание новой армии обеспечивалось прямыми налогами, введенной Петром подушной податью. Для организации сбора этой подати в 1719–1723 годах была проведена перепись мужских душ. По сравнению с проводившимися в XVI веке кадастрами новая налоговая система была шагом назад: она не предусматривала измерения полей. Однако сопротивление помещиков было настолько значительным, что и подушную перепись удалось провести лишь с большим трудом, угрожая за утайку душ смертной казнью. В бюджете 1724 года подушная подать составила 4,6 млн. рублей, таможенные и кабацкие сборы — по 1 млн., а все доходы — 8,6 млн. рублей; в пересчете на хлеб по высоким ценам тех лет получается 58 млн. пудов — в 2,5 раза больше, чем при царе Федоре⁶³.

Подушная подать должна была заменить все существовавшие прежде прямые налоги; с момента своего введения в 1724 году вплоть до 1794 года — за исключением льготных лет — она собиралась по одной и той же ставке в 70 копеек с ревизской (т. е. с мужской) души. Кроме того, при покупке соли крестьяне платили пошлину, которая составляла в 1731–1749 годах в среднем 12 копеек с ревизской души. После стабилизации цен в 30-х годах, подушная подать и соляная пошлина отнимали у крестьян в среднем 3,9 пуда хлеба с души — этот новый уровень налогов был результатом петровских реформ, он обеспечивал содержание постоянной армии и великодержавие России. По сравнению с допетровским временем налоги возросли в 5–6 раз.

Таким образом, количественное выражение петровских реформ дается следующими цифрами: увеличение налогов на помещичьих крестьян в 5–6 раз и увеличение расходов на армию в 2,5 раза.

Это было масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства, более крупное чем то, которое произошло в ходе военной революции Ивана Грозного. Причем перераспределялись не только денежные средства, в рамках трансформации структуры перераспределялись и обязанности сословий. Дворянство было обременено более тяжелой, чем раньше, службой, а народ был вынужден платить «налог кровью» — поставлять рекрутов.

При Петре Россия стала самой милитаризованной из крупных держав того времени. По отношению к численности населения русская армия составляла 1,56%; австрийская армия во время войны за испанское наследство составляла 1,25% от населения, для французской и английской армий этот показатель был существенно меньше.

При этом нужно заметить, что армии других великих держав сильно сокращались в мирное время, русская армия была постоянной. Преимущество в численности и в относительной дешевизне содержания вооруженных сил было достигнуто за счет того, что Россия первой из великих держав (за исключением Швеции) ввела рекрутскую повинность — однако рекрутская повинность была дополнительным тяжелым бременем для населения⁶⁴.

Принципиальная позиция Петра в вопросе о размерах налогов и повинностей выражена в его регламенте для Камер-коллегии: «... Никакого государства на свете нет, — писал царь, — которое положенную тягость снести не могло, ежели правда, равенство и по достоинству в податях и расходах осмотрено будет»⁶⁵. Соответственно, Петр предписывал следить, «чтобы между великими и нижними, убогими и богатыми» налоги собирались «по прпорции». На общину налог накладывался по числу душ, но внутри общины он распределялся крестьянами по прожиточности; это несколько снижало тяжесть налогов для бедняков, но они все равно оставались разорительными⁶⁶.

Одной из важнейших сторон произведенной Петром Великим трансформации структуры было укрепление самодержавия. Согласно теории военной революции, создание регулярной армии приводит к установлению военно-бюрократического абсолютизма. Высшей формой бюрократического абсолютизма, включающей в себя не только самодержавие, но и государственное регулирование социально-экономических процессов, является этатистская монархия. Как отмечалось выше, реформы Ивана Грозного в свое время привели к установлению государственной собственности на землю, что является главным признаком этатистского государства. К периоду правления Петра I относится новый пик этатизма, отмеченный широким распространением практики государственного регулирования. Идеологической основой петровского этатизма было учение о «всеобщем благе» и «регулярном полицейском государстве». Наиболее известным представителем этого учения был немецкий философ Христиан Вольф, которого Петр собирался назначить президентом Петербургской академии⁶⁷. Х. Вольф утверждал, что в целях достижения «всеобщего блага» государство должно регламентировать все стороны жизни граждан: принуждать их к работе, регулировать заработную плату, условия труда, цену товаров, поддерживать правопорядок и нравственность, поощрять образование, науки, искусства и т. д.⁶⁸ В конце XVII века теория «регулярного государства» получила широкое распространение, и ее принципами (иногда не вполне

осознанно) руководствовались в своей деятельности шведский король Карл XI, «Великий курфюрст» Фридрих Вильгельм I, Людовик XIV и его министр Кольбер. Эту теорию часто отождествляют с европейским «просвещенным абсолютизмом», который отличается от восточного самодержавия тем, что имеет светский характер и руководствуется в своих действиях не религиозным идеалом, а «законами разума» и «общим благом»⁶⁹.

Правление Петра I было периодом расцвета этактистской монархии, когда государственное регулирование достигло чрезвычайной интенсивности, и указы регламентировали все и вся. В соответствии с теорией Петр издавал множество указов, посвященных регламентации того или иного вида деятельности, к примеру, предписывалось ткать широкие холсты, а не узкие, выделывать кожу салом, а не дегтем, строить крестьянские избы по приложенному чертежу, хлеб убирать не серпами, а косами. За 1718–1723 годы было выпущено 14 указов, регламентирующих постройку речных судов — и каждый указ сопровождался разъяснениями, зачем и почему. «Сами знаете, хотя что добро и надобно, а новое дело... то наши люди без принуждения не сделают», — такова была принципиальная позиция Петра, стремившегося «вразумить» свой народ⁷⁰. Как отмечает А. Н. Медушевский, в отношении глубины вмешательства государства в жизнь общества империя Петра Великого может сравниться только с «полицейским государством» Иосифа II⁷¹.

Однако в одном, и самом важном, отношении в государственном регулировании Петра имелся очевидный пробел. В начале XVIII века (в отличие от времен Иосифа II) теория «регулярного государства» уделяла мало внимания регламентации сельскохозяйственной деятельности и отношений между крестьянами и землевладельцами. Между тем прикрепление крестьян к земле давало возможность помещикам отягощать крестьянские повинности; в 1720-х годах появились купчие на крестьян — хотя по закону продажа поместных крестьян не разрешалась⁷². В 1719 году воеводам был разослан наказ, требующий наказания помещиков, которые «своим деревням сами беспутные разорители суть... налагая на крестьян всякие несносные тяготы, и в том их бьют и мучат, и от того крестьяне, покинув тягла свои бегают...». «Разорителей своих именов» предписывалось отдавать под опеку их родственникам⁷³. «Обычай был в России, — гласил указ 15 апреля 1721 года, — который ныне есть, что крестьян, и деловых, и дворовых людей мелкое шляхетство продают врознь, кто похочет купить, как скотов, чего на целом свете не водитца... Его царское величество указал оную продажу людям

пресечь, а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то хотя бы по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь, и о том бы при сочинении нынешнего уложения изъяснить, как Высокоправительствующие Господа Сенаторы за благо рассудят»⁷⁴. Действительно, соответствующий закон был включен в готовившееся новое Уложение в форме, запрещающей продажу семей в разбивку и без земли, но после смерти Петра работа над сводом законов была прервана. Однако в целом, как отмечают специалисты, царь уделял положению крестьян гораздо меньше внимания, чем многим другим вопросам⁷⁵.

Основным инструментом всеобщей регламентации и контроля было правильно организованное и четко функционирующее чиновничество (включающее в себя и полицию). Наука об управлении государственным хозяйством и, в частности, о коллегиальной и четкой организации чиновничества составляла часть теории «регулярного государства» и называлась камерализмом. Одним из примеров применения принципов камерализма была реформированная королем Карлом XI административная система Швеции; Лейбниц в письме к Петру сравнивал правильно организованное государство с точным часовым механизмом⁷⁶.

Для старинной русской приказной системы было характерно сосредоточение разных функций в ведении одного приказа или одного воеводы, отсутствие контролирующих инстанций и правильной системы оплаты труда чиновников. Многие дьяки жили «от дел» — то есть существовали на взятки и подношения просителей, и, соответственно, решение вопроса зависело от размера подношений. Петр решил наладить правильную администрацию, но двигался в этом направлении непоследовательно, методом проб и ошибок. В монографии Е. В. Алексеевой дан подробный очерк этих исканий Петра I: сначала царь ввел систему городского самоуправления, затем перешел к губернскому устройству и в конце концов решил полностью скопировать административную систему Швеции⁷⁷. «Увидев ясно беспорядок в управлении и царившее повсюду взяточничество... — писал прусский посол Фоккеродт, — Петр I напал на мысль установить во внутреннем управлении царства, подобно военному делу, такой же порядок, какой был заведен в других европейских землях. Признавая шведов своими учителями в военном деле, он думал, что также точно и их учреждения... можно с таким же хорошим успехом ввести в своем царстве. И до того допустил он собой овладеть такому предубеждению, что, не советуясь ни с кем, в 1716 году тайно послал одного человека в Швецию, дав ему мно-

жество денег, чтобы только достать указы и правила тамошних коллегий...»⁷⁸ В соответствии с докладом, представленным ездившим в Швецию советником царя Г. Фиком, в 1717 году был издан указ о создании коллегий, а в 1719 году — указ о введении провинциальной администрации шведского образца. Однако характерно, что на предложение ввести в России местное самоуправление с участием крестьянства (как в Швеции) Сенат ответил: «В уездах ис крестьянства умных людей нет»⁷⁹.

М. Богословский отмечал, что почти всем нововведениям Петра можно найти прообразы в допетровской России и «только заимствование иностранной администрации... было действительно новым, оригинальным явлением петровской эпохи»⁸⁰. Административная реформа привела к резкому разрастанию штатов центральных и местных учреждений, всем чиновникам которых отныне платили оклады. В проекте бюджета 1725 года расходы на чиновничество (вместе с дворцовыми расходами) составляли 2,5 млн. рублей, в то время как в 1680 году они составляли 250 тысяч; в пересчете на хлеб расходы возросли более чем в 3 раза⁸¹.

Петр I сумел подчинить и поставить себе на службу даже оплот старых московских традиций, православную церковь. Как считал Б. И. Сыромятников, царь фактически провел реформацию по протестантскому образцу⁸². В 1721 году наряду с другими коллегиями была создана Духовная коллегия или «Святейший Синод» — бюрократическое учреждение, призванное руководить делами церкви. С 1722 года Синод возглавлялся назначаемым царем обер-прокурором, гвардейским офицером, поставленным надзирать за «святыми отцами». «Я им обоим — государь и патриарх», — говорил Петр. Священники стали чиновниками на содержании властей, были установлены штаты: на 100–150 дворов прихожан — один священник; «лишних» служителей церкви обращали в крестьян, иногда даже в крепостных. В рамках теории «регулярного государства» Петр считал церковь удобным орудием гражданского воспитания и полицейского надзора. Указы Петра обязывали всех прихожан исповедоваться каждый год, священники в нарушение тайны исповеди должны были доносить о «преступных умыслах» доверившихся им людей⁸³.

Этализм Петра Великого породил в среде историков представление о независимости российского государства от сословий и классов⁸⁴. «Как и на Западе, с победой абсолютной монархии, государство — как институт и идея — приобрело автономное существование и получило свои самоувековечивающиеся интересы, цели и дела», — отмечал М. Раев⁸⁵. «Многие и многие авторы полагали, что самой су-

щественной из движущих сил процесса зарождения и дальнейшей эволюции абсолютной монархии является... *внутренняя динамика государственного организма*⁸⁶, его автономность, имманентность, то, что по-немецки называется *Eigengesetzlichkeit*», – писал О. Кристенсен⁸⁷. Х. Баггер, суммируя в обзоре историографии мнения различных историков, указывает, что абсолютизм в России был гораздо более последовательным, чем на Западе, и что здесь в отличие от Западного «государство и проводимая им политика формировали социальную структуру»⁸⁸. Развитием этих взглядов была теория о «закрепощении» самодержавным государством всех сословий: крестьянства, городских жителей и дворянства. Эта концепция восходит к работам Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина и в настоящее время разделяется многими историками⁸⁹. Этой концепции, однако, противостоит аргументированная точка зрения Ю. Г. Алексеева, который настаивает на том, что не «закрепощение сословий», а регламентация их прав и обязанностей во имя общего интереса составляла суть сословной политики Русского государства⁹⁰. Отметим также, что «закрепощение» имело различный характер и различную тяжесть для разных сословий, и что государство все же не смогло полностью подчинить элиту, свидетельством чего стала последовавшая после смерти Петра «эпоха дворцовых переворотов». С другой стороны, регламентация деятельности сословий является достаточно обычным явлением в этактистских монархиях – в частности, в государствах Востока⁹¹. В этом контексте «закрепощение» не представляло собой чего-то уникального, отличающего Россию от других стран Востока, хотя, конечно, отличало ее от стран Запада.

2.5. ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ ПЕТРА I

Неслыханная до тех пор мобилизация сил привела к успеху, была одержана победа под Полтавой и завоевана Лифляндия. Была создана мощная регулярная армия – главная, рациональная задача петровских реформ была решена. Казалось бы, можно снизить налоги и дать облегчение народу, но царь рассуждал иначе. Началось время иррациональных решений. Петр считал, что, хотя война еще не закончилась, пришла пора заняться строительством Петербурга.

Е. В. Анисимов полагает, что в строительстве Петербурга проявилось максималистское желание Петра начать свою жизнь заново, на западный лад, что Петербург создавался Петром как антипод «варварской» Москвы⁹². Это было политическое решение, с эконо-

мической точки зрения это строительство было нелепостью: в руках царя уже находились Рига, Ревель, Нарва — у России было вполне достаточно портов с готовой инфраструктурой. От Риги шел удобный водный путь на Смоленщину, и, несмотря на противодействие властей, именно Рига, а не Петербург, впоследствии стала главным портом России⁹³. «Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров, — писал Н. М. Карамзин, — но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах»⁹⁴.

Построенный в суровом северном крае Петербург был изначально обречен на нехватку продовольствия: хлеб нужно было везти из центральных районов, а провоз обходился очень дорого: в 1726–1730 годах пуд ржи стоил в Ярославле 11 копеек, а провоз до Петербурга стоил 18 копеек. До Архангельска благодаря водному пути доставка обходилась втрое дешевле⁹⁵. В дальнейшем, когда население Петербурга увеличилось, доставка хлеба в столицу потребовала сотен тысяч бурлаков и стала основным занятием для значительной части населения Центрального региона. Таким образом, Петр взвалил на экономику России тяжелое бремя, которое и при нем, и после него препятствовало решению актуальных хозяйственных задач.

Решение о возведении новой столицы, по-видимому, необходимо рассматривать в контексте случайного характера действия диффузионного фактора, в контексте тех случайных обстоятельств, которые повлияли на воспитание юного Петра и способствовали созданию психологического комплекса максималистского подражания Европе. Как показывает мировой опыт, перенесение столицы не является необходимым моментом реформ.

Об иррациональном максимализме царя говорит уже то, что поначалу Петр намеревался построить новую столицу не в устье Невы, а на острове Котлин. Был составлен проект строительства «Нового Амстердама» — каменного города, расчерченного сеткой каналов; люди должны были передвигаться по этому городу не в каретах, а в лодках — как в Амстердаме. «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел делать Россию — Голландию», — писал Н. М. Карамзин⁹⁶. Указом 16 января 1712 года предписывалось переселить на Котлин тысячу дворянских семейств (всю высшую знать), тысячу купеческих и тысячу ремесленных семей⁹⁷.

Таким образом, царь намеревался уехать из нелюбимой им «Московии», создать на островке в море «Новую Голландию» и пересе-

лить туда русскую знать (уже переодетую им в голландскую одежду). Лишь появление у острова шведского флота удержало царя от реализации этого замысла: опасность того, что вся русская аристократия будет в один момент пленена шведами, была слишком очевидна. Тогда царь решил построить «Новый Амстердам» на Васильевском острове в устье Невы. В 1716 году десятки тысяч строителей приступили к осуществлению проекта Трезини и Леблона: остров должны были прорезать два главных канала, пересекавшихся с другими каналами поменьше. При каждом доме предусматривался внутренний двор, сад и пристань для хозяйской лодки-гондолы. В центре этой огромной водяной шахматной доски царь собирался построить новый дворец с обширным регулярным садом⁹⁸.

Сам по себе проект был не лишен изящества, но он осуществлялся во время войны, которая отнимала у народа все силы и средства. В 1710–1717 годах на строительство Петербурга ежегодно требовали по одному работнику с 10–15 дворов, в среднем по 35 тыс. человек в год. Подневольные рабочие шли в Петербург из всех областей — даже из Сибири — тратя на дорогу по несколько месяцев⁹⁹. Французский консул де ла Ви свидетельствует, что две трети этих людей погибали на петербургских болотах¹⁰⁰. Фельдмаршал Миних писал, что в Северную войну «от неприятеля столько людей не побито... сколько погибло при строении Петербургской крепости и Ладожского канала»¹⁰¹.

Одновременно со строительством Петербурга началось строительство флота. В 1704–1708 годах были построены Адмиралтейские верфи в Петербурге, на которых к 1714 году было спущено на воду 11 линейных кораблей. Строительством судов руководили английские мастера, а командовали кораблями английские и голландские офицеры¹⁰². В 1712–1714 годах Петр закупил в Англии и Голландии еще 16 кораблей. Новый флот уже мог сражаться с противником, но царя охватил кораблестроительный азарт — ведь он был корабельным плотником. Была развернута огромная программа по строительству парусных гигантов, в 1717 году одновременно на стапелях находилось 11 кораблей — но они строились в спешке, с нарушением технологии, из сырого леса. К 1720 году Россия имела 31 линейный корабль, а Швеция — только 11; русский флот господствовал на море и мог безнаказанно высаживать десанты на шведское побережье. Но это продолжалось недолго — через несколько лет после смерти Петра построенные в спешке корабли вышли из строя — попросту сгнили¹⁰³.

Во что обошлось крестьянам строительство Петербурга и флота? Как отмечалось выше, в 1707–1710 годах помещичьи крестьяне пла-

тили постоянных и чрезвычайных налогов в среднем около 60 копеек со двора. В связи с началом широкомасштабного строительства в 1711 году был введен налог «на дачу петербургским работникам», затем к этому налогу были добавлены сборы «на известное жжение», «на кирпичное дело» и «на городское строение» — в общей сложности 35 копеек со двора. Но это было далеко не все: были введены новые чрезвычайные налоги. Главным из них был «санкт-петербургский провиант», составлявший в 1712–1717 годах в среднем 60 копеек в год, а с 1718 года — 1 рубль. В 1714–1715 годах собирали «на каменное строение на острове Котлин» по 25 копеек, в 1716–1717 годах «на гаванное строение в Петербурге» по 1 рублю 21 копейке, в 1718–1719 годах на постройку Ладожского канала по 70 копеек — и так далее, здесь трудно перечислить все тогдашние сборы¹⁰⁴.

Всего в 1711–1716 годах прямые и чрезвычайные налоги составили в среднем 2 рубля 50 копеек со двора, в 4 раза больше, чем до начала широкомасштабного строительства! Правда, нужно учесть, что в это время возросли хлебные цены; в пересчете на хлеб с учетом натуральных поставок и соляной пошлины в 1707–1710 годах крестьяне отдавали государству 3,1 пуда с души, а в 1710–1716 годах — 5,6 пуда¹⁰⁵. По сравнению с допетровскими временами тяжесть налогов возросла в 8 раз!

Мог ли крестьянин платить такие налоги? Попробуем приблизительно подсчитать, каковы были в то время возможности крестьянского хозяйства. Трудность состоит в том, что для конца XVII — начала XVIII века не сохранились данные о реальных размерах крестьянской запашки. Как мы отмечали выше, барщинные крестьяне в XVII веке были в состоянии обрабатывать 1,6–1,8 десятины пашни на душу. Многие исследователи полагают, что в этот период крестьяне пахали меньше¹⁰⁶, но, как отмечал В. О. Ключевский, именно повышение Петром налогов заставило крестьян увеличить запашку¹⁰⁷. Исходя из максимальных возможностей крестьянского хозяйства, мы будем считать, что в этот период крестьяне могли обрабатывать 1,8 десятины пашни на душу. Большинство крестьян в это время находились на барщине, которая составляла в среднем около 0,4 десятины на душу¹⁰⁸, таким образом, на себя они могли пахать 1,4 десятины.

Учитывая, что урожайность в этот период снизилась и средняя продуктивность десятины составляла 12,4 пуда хлеба (табл. 2.1), крестьянин мог получить с этого надела 18 пудов хлеба. Считается, что норма потребления (с учетом, что потребляются также продукты животноводства) составляла минимально 15 пудов на душу¹⁰⁹; ста-

Табл. 2.1. Средняя продуктивность десятины в Центральном районе¹¹⁰.

Годы	Урожайность в самах		Высев в пудах на десятину		Сбор с десятины (пуд.)		Средняя продуктивность десятины (пуд.)
	ржи	овса	ржи	овса	ржи	овса	
1650–1700	3,3	3,1	9,0	12,0	20,7	25,2	15,3
1710–1730	3,0	2,6	9,0	12,0	18,0	19,2	12,4
1731–1760	3,5	3,1	9,0	12,0	22,5	25,6	16,0
1761–1780	3,5	3,5	9,0	12,0	22,5	30,0	17,5
1781–1800	3,0	2,6	11,0	17,0	22,0	25,6	15,94

ло быть, на уплату налогов оставалось максимально 3 пуда. Таким образом, при всех оптимистических допущениях получается, что крестьяне, возможно, еще могли кое-как платить допотопские военные налоги. Но «петербургские» налоги в 5,6 пудов хлеба вынуждали крестьянина брать хлеб из запасов, предназначенных на случай голода. Такие запасы были у многих крестьян. В российских условиях, при гораздо больших, чем в Европе, колебаниях урожаев, крестьяне старались обеспечить себя на случай недорода. Какое-то время крестьяне могли платить непомерные налоги и жить за счет запасов. Но в случае неурожая истощение запасов должно было привести к катастрофе — а большой неурожай имел место в среднем один раз в семь лет. Так что, дело было только во времени.

Посмотрим, каково было положение оброчных крестьян. С участка в 1,8 десятины оброчный крестьянин мог получить 23 пуда хлеба. Номинальные нормы денежного оброка по сравнению с последними десятилетиями XVII века не изменились и составляли в расчете на душу 25–30 копеек. Однако в результате падения цен реальные оброки в это время увеличились примерно до 4,5 пудов, и в целом правительство и помещики требовали с оброчных крестьян более 10 пудов хлеба с души! Таким образом, после вычета налогов и оброков у оброчного крестьянина оставалось 13 пудов хлеба — меньше прожиточной нормы 15,5 пудов в год.

Тяжелым было и положение монастырских крестьян. В 1707–1716 годах монастырские крестьяне отдавали в среднем по 8 пудов хлеба с души, а в отдельные годы — до 10 пудов¹¹¹. Таким образом, оброки и налоги приблизились к уровню времен Ивана Грозного, когда у крестьян отнимали по 11–12 пудов хлеба с души. Как известно,

ГЛАВА II. ПЕРИОД РОСТА: ВРЕМЯ ЭТАТИСТСКОЙ МОНАРХИИ

Табл. 2.2. Оброк поместных крестьян Центрального района в первой половине XVIII века¹¹².

Год	Уезд, селение	Душ мужского пола	Оброк на душу об. пола (коп.)	Цена «юфти» (коп.)	Пудов на душу
1701	Суздальский, с. Мыт		25	75	4,5
1708	Ярославский, Юхотская вол	7524	33	79	5,7
1708	Ржевский, с Молодой Туд	4005	24	79	4,0
1708	Костромской, с. Харитоновка	134	29	79	4,9
1708	Мещовский, д. Дербинка	41	30	79	5,2
1715	Алексинский, с. Ясенево	126	32	87	4,9
1715	Владимирский, д. Сулово	38	20	87	3,0
1716	Каширский, с. Жерновки	816	33	95	4,7
<i>средние за 1701–1716 годы</i>			28		4,6
1727	Вотчины А. Д. Меньшикова в 10 уездах	21567	29	165	2,4
1742	Каширский, с. Тешилово		36	149	3,1
1742	Звенигородский, с. Троицкое		67	149	5,9
1742	Суздальский, с. Богоявленское		37	149	3,2
1742	Каширский, с. Шульгино		60	149	5,3
1742	Переяславский, с. Рюмино		44	149	3,8
1742	Серпейский, с. Успенское		20	149	1,8
1742	Вяземский, с. Дугино		25	149	2,2
<i>средние за 1727–1744 годы</i>			41		3,6
1758–59	Суздальский, с. Богородское		73	157	6,2
1758–59	Суздальский, с. Богословское		74	157	6,3
1758–59	Суздальский, с. Васильевское		62	157	5,3
1758–60	Ярославский, вотчины М. М. Щербатова		60	142	5,7
<i>средние за 1758–1760 годы</i>			67		5,9

«фискальный скачок» Ивана Грозного привел к катастрофе — страшному голоду и чуме 1568–1571 годов. П. Н. Милоков считал, что непомерные налоги Петра I также привели к демографической катастрофе — к уменьшению населения на одну пятую. Действительно, в 1704 году был «голод великий по деревням», когда цена ржи возросла вчетверо. В 1707 году сборщик налогов докладывал из Борисоглебского монастыря, что «великие правежи» с крестьян уже ничего не дают; в 1708 году из Олонецкого края сообщали, что крестьяне из-за непосильных налогов «обнищали и сошли безвестно и дворы их пусты...»¹¹³

О прогрессирующем ухудшении материального положения крестьян говорит и такой показатель, как уменьшение роста рекрутов. Рекруты, родившиеся в 1700–1704 годах, имели средний рост 164,7 см, родившиеся в 1710–1714 годах — 163,5 см, родившиеся в 1720–1724 годах — 162,6 см¹¹⁴.

Перепись 1710 года зафиксировала уменьшение численности дворов на одну пятую, однако правительство не поверило переписчикам¹¹⁵. Сокращение числа дворов было истолковано как результат распространившейся практики сведения нескольких дворов в один с целью уменьшения обложения. Более строгая и точная подушная перепись 1719–1721 годов действительно показала, что по сравнению с 1678 годом численность населения возросла с 8,6 до 11,6 млн. человек (в границах 1650 года)¹¹⁶. Хотя в целом население в годы Северной войны, по-видимому, не уменьшилось, отдельные категории населения понесли существенные потери — в особенности это касается монастырских крестьян, на которых падала наибольшая тяжесть налогов. Население домовых патриарших вотчин в 1679–1702 годах увеличилось с 32 до 49 тыс., а к 1719 году уменьшилось до 46 тыс. Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь к концу войны потерял от голода и побегов около трети из 20 тысяч крестьян¹¹⁷. Особенно сложным было положение крестьян северных областей, которым приходилось нести тяжелые повинности, связанные со строительством Петербурга. Население восточной части Вологодского уезда в 1678–1719 годах сократилось наполовину, а в целом численность населения северных уездов уменьшилась на 13%¹¹⁸. На значительной территории Центрального района (Владимирский и ряд других уездов к востоку от Москвы) население в 1678–1719 годах не увеличилось, и поскольку в 1678–1700 годах оно, очевидно, росло, то это означает, что в 1701–1719 годах население этих территорий сокращалось¹¹⁹.

Резкий рост налогов и повинностей привел к массовому бегству крестьян в южные области, на Дон, на Украину, в Сибирь. Бежали

большими партиями, «многолюдством, человек по сту и более»¹²⁰. Правительство приняло жесткие меры, чтобы остановить это бегство, была введена паспортная система и создана цепь кордонов вдоль границ¹²¹. Однако начальник уральских горных заводов Геннин докладывал, что если вернуть беглых, то все заводы будут пусты, что бегство не остановить, даже если поставить караулы на каждой версте¹²². В 1707 году была предпринята операция по возвращению беглых с Дона — в результате там вспыхнуло большое крестьянское восстание, и летом 1708 года войскам Петра I пришлось сражаться на два фронта: против вторгшихся в страну шведов и против собственных крестьян. В этой ситуации Петр предписывал карателям самые жестокие меры: «... Людей рубить, а заводчиков на колеса и колья... ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть»¹²³.

«Известно, что среди низших классов населения... распространено было крайне враждебное отношение к личности Петра и его деятельности... — писал Н. П. Павлов-Сильванский. — Жаловались больше всего на то, что... „крестьян разорил с их домами, мужей побрал в рекруты, а жен и детей осиротил“»¹²⁴. В народе ходили слухи о том, что царь «подмененный», что он не русский, а немец, или даже, что царь — «антихрист», воцарившийся перед концом света. После подавления больших восстаний на Дону и в Астрахани народное сопротивление приняло форму широкого движения партизан-разбойников. Беглые крестьяне и рекруты собирались в отряды разбойников, разбои стали повсеместными, и против них не помогали никакие меры. Разбойники ходили отрядами в 200 и более человек с «порядком регулярным», и не только грабили помещичьи дома и монастыри, но иногда врываются и в города, разбивали тюрьмы и освобождали своих соратников. Вооруженные отряды разбойников и беглецов с боем прорывались через пограничные кордоны и уходили в Польшу¹²⁵.

Ненависть к Петру чувствовалась не только в народной среде — она проявлялась и в других сословиях. Выше упоминалось о недовольстве дворянства. Священники были возмущены секуляризационными мерами императора. В 1707 году Нижегородский митрополит Исая в ответ на очередное требование денег разразился гневной тирадой: «Как хотят другие архиереи, а я за свое умру, а не отдам... И так вы пропадаете, как червей, шведы вас побивают, а все за наши слезы и за ваши неправды...»¹²⁶ Феодосий, архиепископ новгородский, говорил о Петре после его смерти: «Излишняя его охота к сведению тайных дел показывает мучительское его сердце, жаждущее крови человеческой... Никому не верил, только молодым своим придворным и зловестным людям, для чего и тайных имел шпионов...

для того подозрения всех боялся, за не очень важные слова повелевал казнить смертью»¹²⁷. «Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском, — писал Н. М. Карамзин, — пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. Многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды: ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха. Сим бедным людям казалось, что он вместе с древними привычками отнимает у них самое Отечество»¹²⁸.

2.6. СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС И ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ

Непомерное увеличение налогов в процессе трансформации структуры при Петре Великом означало сокращение экологической ниши народа. Как отмечалось выше, перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе военных реформ почти всегда приводит к *структурному кризису* — так было при Иване Грозном, и (в северном регионе) при Алексее Михайловиче. Петровские реформы в конечном счете также привели к кризису. Многолетнее тяжкое налоговое бремя вызвало истощение запасов хлеба в крестьянских хозяйствах, и с чередой неурожайных лет (1722–1724 годы) пришел большой голод. Летом 1723 года из провинций сообщали, что вследствие неурожая, бывшего два года сряду, крестьяне едят льняное семя и дубовые желуди, бывают по несколько дней без пищи, многие от того пухнут и умирают, иные села и деревни стоят пусты¹²⁹. Полковник Трайден, отправленный в Пошехонье с ревизией, докладывал, что в 1723 году от голода погибла десятая часть местного населения¹³⁰. В таких условиях Петр I решился на крайнюю этатистскую меру: было указано повсеместно конфисковать излишки хлеба у дворян, купцов и богатых крестьян, чтобы раздать голодающим¹³¹.

Однако эта «продразверстка» не имела успеха: голод продолжался до самой смерти императора — и еще год после нее. Сразу после кончины Петра Екатерина уменьшила подушную подать на 4 копейки и сняла с крестьян повинность по строительству квартир для солдат. Через два месяца Сенат приказал собиравшим налоги комиссарам умерить жестокость правящей. Генерал-прокурор Ягужинский подал императрице доклад, в котором требовал более действенных мер по облегчению положения крестьян. Ягужинский писал, что «великое число уже является умерших» от голода, что «множество бегут за рубеж польский и в башкиры», что необходимо убавить подуш-

ную подать, вывести из сел солдат и выключить из числа ревизских душ умерших, за которых по-прежнему берут налоги¹³². Крестьяне уже не могли платить требуемых с них налогов, за восемь месяцев 1725 года недоимка достигла половины окладных сумм. В 12 провинциях имели место антиналоговые выступления голодающих крестьян¹³³. В июне 1726 года в Верховном Тайном Совете был поставлен на обсуждение вопрос, какие меры нужно принять «ввиду крайнего разорения крестьян». В представленных по этому поводу «мнениях» недавние сподвижники Петра говорили о «великой скудости крестьян», их «крайнем всеконечном разорении». Было решено в 1727 году снять третью часть подушной подати и учредить комиссию для учета умерших и исключения их из оклада¹³⁴.

Комиссия, возглавленная Д. М. Голицыным, стала собирать по губерниям ведомости об убыли населения. В неполностью сохранившихся материалах комиссии нет окончательных данных по всей стране, но они приводятся в более позднем докладе Сената. В этом докладе утверждается, что из учтенных в 1719–1724 годах 5,5 млн. душ мужского пола к 1727 году было 199 тыс. бежавших и 733 тыс. умерших¹³⁵. Беглецы в то время обычно умирали от голода на дорогах, поэтому их можно причислить к умершим; в этом случае расчеты по таблице смертности Буняковского показывают превышение над естественной смертностью в 300 тыс. душ обоего пола; 300 тысяч человек — это было число погибших от голода.

Таким образом, царствование Петра I завершилось голодом, унесшим сотни тысяч жизней. Это был уже третий структурный кризис (после кризисов времен Ивана Грозного и Алексея Михайловича), вызванный различными этапами военной революции — в данном случае созданием петровской регулярной армии и сопутствующим увеличением налогов. Этот кризис имел свою специфику, которая выражалась в меньшей роли демографического фактора. Во времена Ивана Грозного демографический цикл находился в *фазе Сжатия*, поэтому в условиях крестьянского малоземелья и продовольственных трудностей структурный кризис привел к общему экосоциальному кризису. Во времена Петра I демографический цикл находился еще в *фазе роста*, на Юге продолжался процесс колонизации, у крестьян были свободные земли, и продовольственная ситуация была более благоприятной. Поэтому, хотя Петр I в своих налоговых требованиях превзошел Ивана Грозного, структурный кризис не имел столь драматического характера и не привел к демографической катастрофе.

Необходимо, однако, добавить, что кризис времен Петра I был обусловлен не только налоговыми требованиями военного характе-

ра. Кризис в значительной степени был ценой строительства Петербурга — то есть был обусловлен отчасти случайным действием диффузионного фактора. Некоторую роль, возможно, играли также изменения климата: отмеченное выше падение урожайности может быть связано с уменьшением среднегодовой летней температуры с $17,4^{\circ}\text{C}$ в 1650–1680-х годах до 17°C в 1680–1740-х. Однако зимы были, наоборот, мягкими, а количество экстремальных летних сезонов в 1710–1740-х годах соответствовало уровню благополучных лет¹³⁶. Таким образом, кризис 1723–1726 годов был порожден в основном налоговым давлением государства.

В обстановке кризиса власти были вынуждены принять меры для облегчения тяжести налогов. Подушная подать в 1727–1732 годах трижды сокращалась в год на одну треть, но в действительности сокращение было больше, так как подать собиралась с большими недоимками. В 1728 году была ликвидирована соляная монополия и понижена цена соли. После смерти Петра, при императрице Екатерине I, у власти находилась группа ближайших соратников преобразователя, возглавляемая князем А. Д. Меншиковым. Но в условиях кризиса, уменьшения налогов и отсутствия средств им не оставалось ничего иного, как начать демонтаж петровских учреждений. Армия чиновников, призванная обеспечить «всеобщее благо», была частично распущена — просто потому, что не было денег для ее содержания. Ряд изданных в 1727 году указов возвращал областную администрацию к допетровским временам, суд и сбор налогов были снова поручены воеводам, а дьяки, как и прежде, должны были иметь пропитание «от дел». Коллегии сохранились, но их штаты были сокращены втрое; осуществлявший контрольные функции институт прокуроров был уничтожен. В целом расходы на чиновничество к 1734 году сократились в 2 раза¹³⁷.

Не было денег и на содержание флота. Расходы на флот в результате недоимок по сбору пошлин сократились на четверть. В 1727–1730 годах не было заложено ни одного линейного корабля. Между тем корабли, построенные Петром из сырого леса, вышли из строя — попросту сгнили. В 1731 году из 36 линейных кораблей в море могли выйти только 13 и лишь 8 из них были полностью боеспособны¹³⁸. Шведский посланник доносил в Стокгольм: «Русский галерный флот сравнительно с прежним сильно уменьшился; корабельный же приходит в прямое разорение»¹³⁹.

Сократились и расходы на армию. В результате нехватки средств военные не получали установленного содержания. В январе 1727 года польский посол писал, что флот девять месяцев не получает ни гро-

ша, а гвардия — около двух лет¹⁴⁰. В 1727 году было разрешено две трети солдат и офицеров из дворян уволить в продолжительные (год и более) отпуска без сохранения оплаты; на службе рекомендовалось оставить лишь тех, у кого не было поместий и кто жил жалованьем. Была создана Военная комиссия для рассмотрения вопроса о сокращении штатной численности армии с целью уменьшения подушной подати¹⁴¹.

Недостаток средств совмещался с недостатком энергии: новые правители были не в силах (и не хотели) поддерживать темп государственной деятельности Петра Великого, вникать во все дела и руководить всем и вся путем бесчисленных указов. Если десятки указов первой четверти XVIII века предписывали подданным, какого покроя носить одежду, как строить дома и сооружать барки, как убирать хлеб и лечить больных, то в дальнейшем такого рода указы почти исчезли¹⁴². Смерть императора означала вместе с тем прекращение попыток построения «регулярного полицейского государства» и резкий спад в политике государственного регулирования.

Таким образом, ближайшие соратники Петра стали проводить политику, противоположную идеям почившего императора. «Оказываясь, главные деятели петровского времени не сочувствовали этим идеям», — с удивлением писал Н. П. Павлов-Сильванский¹⁴³. Соратники Петра убедились в невозможности сохранить результаты реформ и, чтобы спасти положение, фактически перешли на позиции традиционалистской реакции. Князь А. Д. Меншиков, предав своих друзей, попытался заключить союз с партией старых бояр. Но запоздалые уступки не могли удовлетворить традиционалистов, и в конечном счете виднейшие соратники Петра оказались в ссылке.

После смерти Екатерины I, при юном императоре Петре II, к власти пришла партия старомосковского боярства во главе с князьями Долгорукими и Голицыными. Старинные бояре Долгорукие еще продолжали носить у себя дома старую русскую одежду, ферязи и охабни¹⁴⁴. Это была традиционалистская оппозиция, которая в свое время поддерживала царевича Алексея, но была вынуждена смириться из-за страха перед застенками Преображенского приказа. Первым делом новая власть уничтожила символ петровского террора — Преображенский приказ. Другим символом петровской политики был Петербург. «Петербург, — говорил князь Д. М. Голицын, — это часть тела, зараженная антоновым огнем; если ее впору не отнять, то пропадет все тело»¹⁴⁵. В феврале 1728 года двор и государственные учреждения переехали из Петербурга в Москву. Жизнь Петербурга замерла, началось бегство из города дворян, купцов и мастеровых.

Все строительные работы были остановлены, сотни недостроенных домов постепенно превращались в руины¹⁴⁶. Но народ радовался решению Петра II. «Русские старого времени находили в нем государя по душе от того, что он, выехав из Петербурга, перевел их в Москву, — свидетельствует К. Манштейн. — Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со своими соседями; служить в войсках никого не принуждали... вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах... Только армия и флот приходили в упадок...»¹⁴⁷. «Теперь больше не подрываются финансы этого государства ненужными постройками гаваней и домов, — писал прусский посол А. Мардерфельд, — плохо усвоенными мануфактурами и заводами, слишком обширными и неудобноисполнимыми затеями или пиршествами и пышностью...»¹⁴⁸

Итак, через три года после смерти Петра Великого к всеобщей радости налоги были уменьшены, Петербург был оставлен, флот сгнил, петровская администрация была распущена, армейские офицеры вернулись в свои деревни, а ближайшие соратники царя оказались в ссылке. Преобразования Петра Великого в конечном счете вызвали волну *традиционалистской реакции*, которая свела на нет многие результаты реформ.

Что же осталось в итоге? Конечно, осталось то, без чего государство не могло существовать: петровская армия с ее линейной тактикой и с новым дворянским офицерским корпусом — заимствования первой очереди. Полковые пушки и фузеи теперь в достаточных количествах производили на тульских и уральских заводах, и армия была обеспечена отечественным оружием. Из административных заимствований уцелели лишь обломки петровской административной системы в виде коллегий и губерний. И, как это ни странно, сохранилось много культурных заимствований: у дворян сохранилась европейская одежда, черты европейского быта, европейская архитектура поместий. По-видимому, это было вызвано тем, что едва ли не основной упор в реформах Петра делался на преобразования именно в сфере внешней культуры и быта. Политика культурного онемечивания дворянства в конечном счете привела к глубокому расколу русской нации, к тому что крестьяне считали своих господ то ли немцами, то ли французами. Это новое общество, состоящее из «двух наций», было результатом социального синтеза и вестернизации.

После внезапной смерти Петра II власть оказалась в руках Верховного Тайного совета, состоявшего по большей части из старой

знати. Князь Д. М. Голицын предложил избрать на престол племянницу Петра герцогиню курляндскую Анну Иоанновну, ограничив ее власть конституционными «кондициями». «Так как со смертью Петра II потомство Петра I пресеклось по мужской линии, — говорил Д. М. Голицын, — а между тем *Россия страшно пострадала от деспотической власти, чему содействовали иностранцы, привлеченные в страну Петром I в большом количестве*, то следует верховную власть ограничить полезными законами и поручить царствование той императрице, которая будет избрана, не иначе как под некоторыми ограничениями»¹⁴⁹. В целом этот проект можно рассматривать как продолжение контрреформ, и В. Кивельсон генетически связывает его с традициями Московского царства, с Боярской думой, Земскими Соборами и теми «кондициями», которые были представлены в 1610 году королевицу Владиславу¹⁵⁰.

«Верховники» не просто стремились к ограничению самодержавия, они обвиняли Петра в насаждении западных обычаев деспотическими методами. При этом члены Тайного совета отнюдь не были ретроgrадами. Князь Д. М. Голицын был одним из образованнейших людей того времени, он знал иностранные языки, бывал за границей и имел библиотеку в 6 тыс. томов. Голицын изучал государственное устройство европейских стран под руководством советника Петра Г. Фика, одного из авторов петровской административной реформы. Не удивительно, что проект «кондиций», предложенный Анне Иоанновне, был составлен под влиянием шведских конституционных актов и, в частности, условий избрания королевы Ульрики Элеоноры в 1719 году¹⁵¹. Таким образом, «верховники» противопоставляли западному абсолютизму Карла XII — Петра I другую западную модель, а именно ту олигархию, которая пришла на смену шведскому абсолютизму и была связана с английской и голландской политической традицией. Д. М. Голицын полагал, что эта модель сможет спасти страну от прозападного экстремизма императоров и их фаворитов.

Когда олигархический замысел «верховников» открылся, то выяснилось, что он противоречит интересам мелкого дворянства, опасавшегося восстановления привилегий родовой аристократии. Этот замысел угрожал также и положению петровских выдвиженцев, особенно иноземцев на русской службе, чья судьба была связана с монархией, раздающей чины по заслугам, а не по происхождению. Натолкнувшись на сопротивление, «верховники» были вынуждены обещать дворянству конституцию и освобождение от обязательной службы. «Здесь, — писал из Москвы секретарь французского посоль-

ства Маньян, — только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента»¹⁵².

В этой политической борьбе сформировалась также и монархическая партия, которая состояла из офицеров и сановников, которые желали получить привилегии и «свободы» не от Верховного Тайного Совета, а из рук императрицы. Вдохновителем этой партии был виднейший из немецких друзей Петра, вице-канцлер А. И. Остерман. 25 февраля монархисты подали Анне Иоанновне петицию, в которой требовали уничтожения уже подписанных императрицей «кондиций», и Анна, воспользовавшись растерянностью «верховников», объявила о намерении править самодержавно, как ее предки¹⁵³.

2.7. ПРАВЛЕНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Княжна Анна в 17-летнем возрасте стала женой курляндского герцога и почти двадцать лет жила в немецком окружении. Ходили слухи, что герцогиня перешла в протестантство, и по возвращении в Москву ей пришлось издать указ, опровергающий эти слухи. Друзьями и любовниками Анны были немцы — Э. Бирон и К. Левенвольде — и «верховники», сознавая опасность немецкого влияния, особо оговаривали, что она не возьмет Бирона с собой в Москву. Между тем Анна страстно любила Бирона (которого позже сделала герцогом Курляндским), и надежда воссоединиться с ним, несомненно, была одной из причин, побудивших ее разорвать «кондиции». «... Ее воля всегда почти зависела больше от других, нежели от нее самой, — писал Э. Миних. — Верховную власть над оною сохранял герцог Курляндский даже до кончины ее неослабно, и в угождение ему сильнейшая монархиня в христианских землях лишала себя вольности своей до того, что не токмо все поступки свои по его мыслям наитончайше распоряжала, но так же ни единого мгновения без него обойтись не могла и редко другого кого к себе принимала, когда его не было»¹⁵⁴. «В Бироне Анна нашла своего избранника и подчинялась ему, как подчинялась бы мужу», — пишет Е. В. Анисимов¹⁵⁵.

Сразу же после уничтожения «кондиций» Бирон и Левенвольде прибыли в Москву и вместе с Остерманом образовали негласный немецкий триумvirат, который решал все дела. Уже в мае 1730 года иностранные послы сообщали, что Бирон, Левенвольде и Остер-

ман управляют императрицей, как хотят, и что русские ненавидят этих немцев¹⁵⁶. Соппротивление русской знати было подавлено, хотя и не сразу: князя Долгорукие были сосланы, Д. М. Голицын умер в заключении в Шлиссельбургской крепости. В 1732 году двор покинул боярскую Москву и вернулся в Петербург — поближе к Лифляндии. Для охраны новой власти от недовольных под именем Тайной канцелярии был восстановлен петровский Преображенский приказ, однако Анна старалась избегать казней, предпочитая отправлять противников в ссылку. За десять лет было сослано свыше 20 тыс. человек, причем зачастую ссылали так, что от человека не оставалось никаких следов, меняли сосланным имена и уничтожали записи о месте ссылки. С той же целью обороны от недовольных русских был создан третий гвардейский полк, Измайловский: офицерами в нем были лифляндские немцы, а солдат набирали из украинской шляхты; командиром полка стал К. Левенвольде. Президентом Военной коллегии стал Б. К. Миних, основную часть генералитета составляли наемные иностранцы. «Немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, — писал В. О. Ключевский, — облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места»¹⁵⁷.

В контексте диффузионистской теории победа «немецкой партии» означала победу петровской вестернизации над традиционалистской реакцией. «Анна взшла на престол с твердым намерением следовать правилам своего дяди Петра I, — свидетельствует Б. К. Миних, — но она хотела довершить начатое им, опираясь больше на честность и способность иностранцев, чем природных русских, — ибо до Анны бояре, в руках которых находилась власть, старались только в том, чтобы разрушить дело, начатое Петром»¹⁵⁸.

Бурхард Кристоф Миних в свое время в звании майора воевал под командованием принца Евгения Савойского и был представителем австрийской военной школы. Став Президентом Военной коллегии, он стремился преобразовать русскую армию по немецкому, то есть австрийскому и прусскому, образцу. В 1732 году была введена форма, напоминавшая прусскую, солдат заставили носить парики и косы. Новый пехотный устав («Экзерциция пешая») упразднил пикинеров и не упоминал о штыковых атаках; главное внимание уделялось теперь стрельбе залпами; обучение строю и маршам проводилось на прусский лад. Гренадеры лишились своих гранат — хотя само название сохранилось. Из Пруссии привезли образцы вооружения пехотинцев и кавалеристов, и Миних требовал, чтобы ружья изготавливались по прусским образцам, однако перевести тульские заводы на выпуск новых ружей не удалось¹⁵⁹.

Миних и фельдцейхмейстер принц Гессен-Гамбургский, ведавший в то время русской артиллерией, добивались перехода русской артиллерии на стандарты, принятые в Пруссии; это привело к утяжелению орудий; вес 6-фунтовых орудий увеличился с 36 до 55 пудов. Число легких 3-фунтовых пушек в полку было при этом увеличено с двух до четырех¹⁶⁰.

Реформы проводились и в кавалерии. Русская кавалерия состояла в основном из драгун, которые могли сражаться как в конном, так и в пешем строю, но как кавалеристы они уступали шведской и немецкой коннице. По словам австрийского офицера, капитана Парадиза, «в кавалерии у русских был большой недостаток... Правда, есть драгуны, но лошади у них столь дурны, что драгун за кавалеристов почтить нельзя. Драгуны, сходя с седла, лошадей на землю валили»¹⁶¹. Между тем в германских странах преобладала тяжелая кавалерия кирасир, в которой служили по большей части дворяне, — это было наследие рыцарского строя. Миних попытался сформировать десять кирасирских полков: кирасирам платили жалование больше, чем драгунам, и рядовые имели капральский чин. Был переведен прусский кавалерийский устав «Экзерциция в кирасирском полку», выписаны тяжелые лошади из Германии, и заведено несколько конских заводов — тем не менее реально удалось создать только три полка¹⁶².

Миних значительно усовершенствовал тыловую службу: он улучшил материальное снабжение, ввел провиантские магазины, учредил госпитали для солдат и школы для солдатских детей. Принимались меры для улучшения боевой подготовки — в частности, были введены генеральные смотры войск. Кроме того, военный министр уравнивал служебное жалование русских и иностранных офицеров¹⁶³.

В 1731 году был учрежден Шляхетский кадетский корпус, выпускники которого шли в армию офицерами. Программа Шляхетского корпуса была скопирована с прусской *Ritterakademien*, прусский король прислал офицеров-инструкторов, и корпус выпускал офицеров, воспитанных по-прусски. Треть вакансий была предоставлена немцам из балтийских провинций; в 1733 году из 245 кадетов немецкому языку обучались 237, французскому — 51, русскому — 18¹⁶⁴.

На южной степной границе в 1731 году под названием «ландмилиции» были восстановлены распущенные Петром I старые драгунские полки — они обходились дешевле, чем регулярная армия. Служившим в этих полках однодворцам, которых император превратил в государственных крестьян, было приказано «быть по-прежнему в службе, как деды и прадеды их были... и государственными крестьянами

их не называть»¹⁶⁵. Хотя по форме это было восстановление старых порядков, специалисты считают, что Миних подражал устройству австрийских военных поселений на австро-турецкой границе¹⁶⁶.

Результаты преобразований, произведенных в правление Анны Иоанновны, сказались во время русско-турецкой войны 1735–1739 годов. Стрелковая тактика и картечный огонь многочисленной артиллерии позволили войскам Миниха прорваться в Крым, а затем одержать победу над турками при Ставучанах. Фридрих Великий назвал Миниха «российским Евгением Савойским», а сам принц Евгений писал императрице Анне, о том, что она «вверила военные дела человеку, соединяющему в себе редкие достоинства с примерною ревностью к службе»¹⁶⁷.

«Немецкая партия» имела чиновный, бюрократический характер, поэтому она была заинтересована в сохранении этактистского абсолютизма. Однако, придя к власти, Анна была вынуждена удовлетворить часть требований поддержавшего ее дворянства. Были отменены указ о единонаследии и содержащиеся в этом указе ограничения на продажу поместий; поместья стали именоваться вотчинами — в юридическом отношении эти два типа владений уже не различались. В 1738 году срок службы дворян был ограничен 25 годами, и отцы нескольких сыновей получили право удерживать одного из них дома для ведения хозяйства. Были несколько облегчены условия обучения, отныне богатые родители могли обучать своих детей дома — но по окончании обучения дети должны были сдавать экзамены на общих основаниях¹⁶⁸.

Несмотря на эти уступки, отношения между «немецкой партией» и русским дворянством были достаточно напряженными. Для поддержания сильного государства требовалось поддерживать петровскую систему сбора налогов. Однако тот уровень налогов, который был установлен Петром I, отнимал у крестьян все излишки и не позволял дворянам увеличивать ренту. Борьба за ресурсы стала причиной конфликта между дворянством и монархией¹⁶⁹.

2.8. БОРЬБА ЗА РЕСУРСЫ

Важным фактором, который в соответствии с демографически-структурной теорией должен был обострить борьбу за распределение ресурсов, был рост численности дворянства. По оценке Я. Е. Водарского в 1700 году насчитывалось 22–23 тыс. дворян, владеющих поместьями; к 1737 году их число увеличилось примерно до 46 тыс.;

Табл. 2.3. Размеры владений помещиков в 1700 и 1737 годах¹⁷⁰.

Год	Все владения			Крупные владения (более 25 дворов)			Остальные владения		
	Число владель- ний	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение	Число владель- ний	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение	Число владель- ний	Душ в них (тыс.)	Душ на 1 владение
1700	28534	1708	60	2873	915	318	25661	793	31
1737	63097	2599	41	5240	1412	269	57857	1187	21

число владений возросло с 29 тыс. до 63 тыс. (некоторые помещики имели несколько владений). Между тем вследствие резкого увеличения налогов и падения уровня жизни рост населения в указанный период был медленным и существенно уступал численному росту элиты. Эта диспропорция привела к значительному уменьшению среднего размера владений (см. таблицу 2.3).

Как показывают данные таблицы 2.3., владения не более 25 дворов составляли около 90%. Средний размер этих владений уменьшился в 1700–1737 годах в полтора раза, с 31 до 21 души мужского пола (без учета дворовых людей). Таким образом, имело место падение доходов основной массы дворянства. Материалы Герольдмейстерской конторы этого времени содержат многочисленные упоминания о нищих дворянах, которые «скитались меж двор», переходили от монастыря к монастырю в поисках пропитания¹⁷¹.

Естественно, что дворяне пытались компенсировать падение доходов увеличением ренты. Однако уровень совокупной ренты, установившийся после петровских реформ, был максимальным для нечерноземных областей — с крестьян нельзя было брать больше, не доводя их до голода. При этом, если сравнивать с концом XVII века, нормы барщины и денежного оброка оставалась примерно на том же уровне, что и прежде, однако все излишки прибавочного продукта, остающиеся после выплаты оброка, теперь забирало государство. В таких условиях помещики могли увеличить свою ренту только за счет государственных налогов — и действительно, вплоть до правления Екатерины II снижение налогов было постоянным требованием дворянства; это особенно проявилось в наказах дворянских депутатов в Комиссию 1767 года¹⁷².

Правительство Бирона — Остермана не собиралось идти на уступки дворянству и снижать подушную подать. В 1733 году были приня-

ты решительные меры для строгого сбора налогов и недоимок, которые к тому времени достигли 7 млн. рублей. Еще в 1727 году правительство поручило помещикам собирать подушную подать со своих крестьян, одновременно возложив на них ответственность за недоимки. Однако, по свидетельству Б. К. Миниха, некоторые помещики, собрав налоги, не отдавали их в казну, а тратили на свои нужды¹⁷³. В случае непоступления налога землевладельцев сажали под караул, а в деревни посылали «экзекуторские команды», при приближении которых крестьяне в ужасе разбегались и прятались по лесам. Но тем не менее помещики отказывались платить — и пример подавала высшая знать: 11 знатных персон должны были в казну 445 тыс. рублей¹⁷⁴. От помещиков поступали в Сенат «страшные жалобы» на разорение крестьян от беспощадного взыскания недоимок — в ответ сенатский указ обвинил владельцев душ в том, что они так отягчают крестьян работой, что у них «не только на подати государственные, но и на свое годовое пропитание хлеба добыть... времени не достает»¹⁷⁵. Обер-прокурор Сената А. С. Маслов выступил с проектом ограничения помещичьих оброков и барщин, но императрица Анна наложила резолюцию: «Обождать»¹⁷⁶.

Другой сферой борьбы за ресурсы были косвенные налоги. В 1731 году была восстановлена соляная пошлина, которая стала давать 600–800 тыс. рублей ежегодного дохода. Однако появились проблемы с винными откупами. В 1730-х годах значительно расширилось дворянское винокурение; хотя дворяне могли курить вино лишь для собственного употребления, они нелегально продавали его и тем самым отнимали у государства часть доходов от пошлины. В 1741 фактический глава кабинета барон Остерман предложил резко расширить казенное производство вина за счет сокращения подпольного винокурения. Остерман утверждал, что дворяне выкуривают больше половины из производимых в стране 4 млн. ведер вина¹⁷⁷. Проект Остермана не был принят, но его появление, как и появление проекта Маслова, свидетельствовали о нарастающем конфликте между дворянством и монархией.

Таким образом, анализ событий периода правления императрицы Анны с точки зрения демографически-структурной теории показывает, что это было время ожесточенной борьбы за ресурсы между абсолютной монархией и элитой. Причинами этой борьбы были рост численности элиты и то, что перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры лишило возможности элиту увеличивать ренту крестьян. Обстоятельства этой борьбы свидетельствуют о том, что у крестьян отнимали мак-

симум возможного. Столь интенсивный нажим на крестьянство должен был вызвать неминуемые демографические последствия.

Подошная подать не учитывала размеры крестьянских наделов, и в наиболее густонаселенных и малоземельных районах доходы крестьян не могли обеспечить уплату подати. Особенно тяжелое положение сложилось в Московской губернии. «В Московской губернии... от худой и выпаханной земли никогда хлеб не родится, — писал управляющий дворцовыми волостями барон Розен, — а в иных местах, хотя и родится, токмо за тесным расселением той земли надлежащим их участков довольно не достает, и оттого приходят в нищету...»¹⁷⁸ Тяжелое положение отмечалось и в других районах Центра, в частности, на Белоозере, где, по расчетам Л. С. Прокофьевой, уровень потребления был ниже минимального¹⁷⁹. По расчетам М. Ф. Прохорова и А. А. Федуллина, средняя величина надела в Центральном районе не обеспечивала пропитания семьи, и «в середине XVIII века вопрос о малоземелье крепостных... приобретает острый характер»¹⁸⁰. «Вопрос о земле у крестьян Центрально-промышленного района в то время стоял очень остро, — отмечает П. К. Алефиренко, — и часть из них в поисках земли бежала в малоосвоенные уезды Поволжья или Земледельческого района»¹⁸¹. Неурожай 1733 года вызвал большой голод и массовое бегство крестьян; в 1732–1735 годах из дворцовых сел Московской губернии бежала почти десятая часть населения. Правительство снова прибегло к описям хлебных запасов, конфискации излишков и раздачам зерна нуждающимся. В 1734 году был издан указ, по которому помещики и приказчики в годы голода должны были кормить своих крестьян и снабжать их посевным зерном. В 1742–1743 годах снова пришел большой голод. Дворцовое ведомство пыталось решить проблему, переселяя крестьян в Воронежскую губернию: в 1745 году было переселено 14 тыс. человек. Тем не менее земли не хватало и крестьяне разорялись; седьмая часть дворцовых крестьян Подмосковья не имела ни лошадей, ни коров¹⁸². В крестьянских хозяйствах не было запасов зерна, поэтому в неурожайные годы цены резко возрастали, описывая колебания с периодом около 10 лет — так называемые циклы Жуглара¹⁸³.

Перенаселение Центрального региона в этот период было в основном относительным: оно было вызвано увеличением налогов — при прежних налогах крестьяне еще могли как-то жить, хотя их наделы постепенно уменьшались. Однако в пределах Центрального района имелись и такие местности, где надел не мог кормить крестьянина ни при каких налоговых условиях. В. Н. Татищев полагал, что минимальный надел, обеспечивавший существование крестьян-

ской семьи, был равен 1 десятина на душу; И. Д. Ковальченко оценивал размеры такого надела в 1–1,2 десятины на душу¹⁸⁴. Действительно, при средней продуктивности в 15 пудов с десятины пашни надел в 1–1,2 десятины давал чистый сбор в 15–18 пудов — ту самую норму потребления, о которой говорилось выше. Между тем материалы дворцового хозяйства свидетельствуют, что в Хатунской, Селинской и Гжельской волостях Московской губернии в 1730–1740-х годах на душу приходилось лишь 0,5–0,9 десятин¹⁸⁵. Таким образом, в отдельных уездах Центра уже проявлялось абсолютное перенаселение.

Регулярно повторяющийся голод, а также массовое бегство привели к тому, что население Владимирской, Ярославской и Нижегородской губерний в 1719–1744 годах уменьшилось, а население Центрального района в целом осталось на прежнем уровне (4,5 млн.). Нехватка земли, голод, остановка роста населения — это были свидетельства наступившего Сжатия, и очевидно, что оно было ускорено повышением налогов при Петре I. Если в прежние времена крестьянин-бедняк еще мог как-то прокормиться на душевом наделе в 1 десятину, то петровские налоги обрекали его на голод. Центральный регион оказался перед угрозой демографической катастрофы — и, в соответствии с теорией, ответом общества стала стихийная перестройка хозяйственной системы, постепенная переориентация региона на развитие промыслов. «Петр Великий наложением подати принудил крестьян стараться другими ремеслами приобретать себе на пропитание и на уплату податей...» — писал князь М. Щербатов¹⁸⁶.

Нехватка земли привела к массовому переводу крестьян на оброк. «В тех местах, где довольно земли, сходнее держать их на пашне, — писал известный экономист и агроном П. И. Рычков, — но в таких местах, где недостаток есть в землях... оброчное содержание крестьян необходимо»¹⁸⁷. Известно, что в первой половине XIX века имения, где крестьянский надел на душу был меньше 0,8 десятины, как правило, были оброчными, так как эксплуатация столь скудных крестьян на барщине была практически невозможна¹⁸⁸. Действительно, с конца 40-х годов XVIII века Главная дворцовая канцелярия постепенно ликвидирует барщинное хозяйство и переводит крестьян на денежный оброк; барщинные земли при этом передаются крестьянам, что несколько улучшает их положение¹⁸⁹. Помещики Центрального района также переводят крестьян на оброк: если в петровские времена основная часть крестьян была на барщине, то к 1780-м годам 62% крестьян шести губерний района находились на оброке¹⁹⁰. Переход на денежный оброк дал возможность крестьянам заниматься ремеслами.

Таким образом, в соответствии с демографически-структурной теорией, перераспределение ресурсов в пользу государства в ходе петровской трансформации структуры вызвало *сокращение экологической ниши населения и преждевременное Сжатие в Центральном районе*. Как и предсказывает теория, Сжатие вызвало массовое развитие ремесел и торговли.

2.9. ПРАВЛЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ: ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ

Проводником стремлений русского дворянства и его «ударной силой» была состоящая преимущественно из дворян гвардия. Как свидетельствуют следственные дела Тайной канцелярии, в настроениях гвардейцев в конце 1730-х — начале 1740-х преобладало резкое недовольство засильем немецкой клики¹⁹¹. Бирон понимал опасность мятежа дворянской гвардии и пытался разбавить состав полков крестьянами — но молодые рекруты из крестьян, естественно, подчинялись моральному авторитету гвардейцев-дворян. О недовольстве гвардии знали и иностранные дипломаты и пытались спровоцировать ее на выступление с целью ослабить Россию внутренней смутой¹⁹². Когда Швеция в 1741 году объявила войну России, шведский командующий К. Э. Левенгаупт объявил, что стремится к освобождению русского народа «от притеснений и тирании чужеземцев»¹⁹³. В конечном счете в ноябре 1741 года дочь Петра Елизавета во главе гвардейцев произвела дворцовый переворот и стала императрицей Елизаветой Петровной.

По свидетельству К. Манштейна, Елизавета обещала тем, кто помог ей взойти на престол, что она освободит их от притеснений иностранцев¹⁹⁴. Миних, Остерман, Левенвольде, Менгден и несколько других менее видных членов «немецкой партии» были арестованы и приговорены к смерти, которая, впрочем, была заменена пожизненной ссылкой в Сибирь. Гвардейцы, совершившие переворот, требовали высылки всех служилых иноземцев из России; в Петербурге происходили нападения на немцев. В армии, воевавшей со шведами, начался бунт против немецких офицеров, и его с трудом удалось притушить¹⁹⁵.

Под впечатлением от этих событий многие иностранные офицеры вышли в отставку и покинули Россию, что привело к ослаблению русской армии. К руководству армией пришли старые петровские генералы из числа русских. Новым президентом Военной колле-

гии стал вернувшийся из ссылки фельдмаршал В. В. Долгорукий; он требовал отставить «новые учения» и вообще все, что было введено в предшествующее царствование Минихом¹⁹⁶. Устав Миниха («Экзерциция пеша») был отменен, армия возвратилась к петровскому уставу 1716 года с упором на штыковой бой. Военная коллегия разъясняла: «В полках экзерцицию чинить... как было при жизни государя императора Петра Великого... а не по-прусски» (в документе подчеркнуто)¹⁹⁷. Были восстановлены гренадерские полки и гренадеры снова получили гранаты. Возвращение к петровским штатам 1720 года означало сокращение численности артиллерии в полках и ликвидацию кирасирской конницы — но на деле эти намерения не были превращены в жизнь; кирасирские полки сохранились¹⁹⁸.

Большой ущерб был нанесен армии распространившейся системой уклонения дворян от службы. Количество офицеров-иностранцев, исправно выполнявших свои обязанности, резко уменьшилось. Из числа офицеров-русских дворян примерно половина постоянно находилась в отпусках, а остальные манкировали своими обязанностями и занимались чем угодно, но не подготовкой солдат. Распространился обычай записывать дворянских детей в полки с малолетства, так что, подрастая, они получали офицерский чин¹⁹⁹. В определенном смысле эту практику можно рассматривать как возвращение к старомосковским традициям, когда дворяне собирались в полки лишь по время походов, а дворянские дети, подрастая, само собой получали чины и поместья.

Нежелание дворян служить привело к некомплекту офицеров. Например, в Бутырском полку недоставало свыше половины офицеров и четвертой части солдат. Система пополнения армии находилась в состоянии разложения. В 1751 году было взято 41 тыс. рекрутов, из них многие бежали, и в полки поступило лишь 23 тыс. Разложение коснулось и верхов армии. В 1756 году из четырех фельдмаршалов двое — А. Г. Разумовский и Н. Ю. Трубецкой — вообще не были военными, получив свои чины за альковные и иные услуги²⁰⁰.

Пришедшая к власти в результате переворота императрица Елизавета Петровна чувствовала себя неуверенно, и ей пришлось пойти на уступки дворянству не только в военной, но и в финансовой и экономической сферах. При восшествии на престол Елизавета отказалась принимать присягу у помещичьих крестьян; присягу за крестьян приносили их помещики — это был символ перемен, происходивших в отношениях между сословиями. Проекты ограничения помещичьих оброков и барщин были забыты, и правительство уже не пыталось защищать крестьян. Сбор податей стал не таким строгим, и по-

мещиков уже не держали под караулом²⁰¹. Фактическим главой правительств Елизаветы был граф П. И. Шувалов; он проводил линию на частичную замену подушной подати косвенными налогами — прежде всего, пошлинами на соль и хлебное вино. Цены на вино в правление Елизаветы увеличились вдвое, и в целом к 1758 году косвенные налоги превосходили по своим размерам прямые.

Для армии такая политика оборачивалась нехваткой средств. Даже когда началась Семилетняя война, Елизавета Петровна не осмелилась увеличить прямые налоги; война финансировалась за счет дальнейшего повышения цен на вино и соль, но главным образом за счет огромной эмиссии медных денег. В 1757–1762 годах было выпущено медных денег на 15 млн. рублей; это вызвало инфляцию и в следующие пять лет, в правление Екатерины II, цена на хлеб возросла в 2 раза²⁰².

Другой уступкой дворянству стало поощрение дворянского винокурения. Винокуренный бум стал первым свидетельством пробуждения интереса русских дворян к предпринимательству. Пример нового подхода к ведению хозяйства был подан владельцами лифляндских фольварков, этими новыми подданными России. В экономическом отношении Лифляндия была частью обширного балтийского зернового рынка, и лифляндские мызы и экономии ничем не отличались от прусских и польских фольварков — это были барщинные хозяйства, производившие хлеб для экспорта в Западную Европу. В XVIII веке по соседству с Лифляндией вырос новый огромный потребительский центр, Петербург, и владевшие экономиями немецкие бароны сочли более выгодным не экспортировать хлеб, а перерабатывать его в вино для продажи в Петербурге. Уже в 1740-х годах половина хлеба экономий перерабатывалась в вино. В 1750-х годах известный ученый М. В. Ломоносов написал книгу «Лифляндская экономия», в которой популяризовал хозяйственную практику остзейских баронов, но, конечно, многие русские дворяне последовали этому примеру задолго до Ломоносова²⁰³.

В начале 1720-х годов у дворян было лишь 40 маленьких винокуренных заводов, а в 1753 году — 280 заводов, и среди них встречались значительные предприятия. Винокурением занималась высшая знать: граф П. М. Апраксин, граф С. А. Салтыков, граф П. И. Шувалов. Формально дворяне производили хлебное вино по подрядам казны, но на деле сбывали часть продукции на сторону, что приносило им огромные доходы. В 1754 году было подсчитано, что на дворянских и купеческих заводах выкуривается 4 млн. ведер, а из казны продается не более 2 млн. ведер; при этом Сенат совершенно резон-

но полагал, что оставшееся вино продается тайно. Однако результат обсуждения был парадоксальным: правительство запретило купцам заниматься винокурением, и эта самая выгодная отрасль предпринимательства стала монополией дворян²⁰⁴.

Винокурение было главной отраслью развивающегося дворянского предпринимательства. Помимо винокурения прибыльным занятием было горное дело. В 1754 году П. И. Шувалов добился передачи в свои руки трех богатейших Гороблагодатских заводов на Урале; позже владельцами заводов стали канцлер М. И. Воронцов, фельдмаршал И. Г. Чернышев и некоторые другие вельможи. Таким образом, была приватизирована почти вся казенная горная промышленность, а первейшие российские вельможи превратились в крупных заводчиков и торговцев, в огромных масштабах поставлявших железо за границу. Эта метаморфоза, однако, была недолгой: после смерти Елизаветы ее вельможи лишились монаршего покровительства, и, обремененные долгами, сочли за лучшее продать заводы казне²⁰⁵.

Усиление дворянства в период правления Елизаветы ознаменовалось выработкой его политической программы, которая нашла свое выражение в проекте нового Уложения. Уложение предназначалось для замены устаревшего кодекса 1649 года и было разработано сенатской комиссией, созданной по инициативе графа П. И. Шувалова. Смерть Елизаветы, а затем свержение Петра III помешали завершить работу над Уложением, но проект четко формулирует те основные требования дворянства, которые пришлось принять последующим правительствам и которые определили политическое развитие России. Новые законы должны были удовлетворить главное требование дворянства и предоставить ему освобождение от обязательной службы. Далее, закон запрещал конфискацию имений (возможность такой конфискации была основным положением помещичьей системы) даже у дворян, совершивших преступление. Дворян нельзя было (без поимки с поличным) арестовывать, пытаться, подвергать телесным наказаниям и ссылать на каторгу. Дворяне могли свободно выезжать за границу и поступать там на службу; на местах предполагалось создать дворянское самоуправление. Предполагалось также, что чиновники, выслужившие дворянство по Табели о рангах, больше не будут пользоваться дворянскими привилегиями. Новые законы должны были отдать крестьян в полную власть помещиков. «Дворянство имеет над людьми и крестьяны своими мужескаго и женскаго полу и над имением их полную власть без изъятия, — гласил первый параграф главы XIX, — кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения над оными пыток. И для того во-

лен всякий дворянин тех своих людей и крестьян продавать и закладывать, в приданое и в рекруты отдавать... мужеску полу жениться, а женскому полу замуж идти позволять и, по изволению своему, во услужение, работы и посылки употреблять и всякие, кроме вышеописанных, наказания чинить...»²⁰⁶

В плане конкретизации политических требований дворянства проект Уложения может быть дополнен проектом И. И. Шувалова. Брат П. И. Шувалова и фаворит Елизаветы предлагал ввести конституцию, обязательные для монарха «фундаментальные и непрменные законы», за соблюдением которых должно было следить дворянство. Таким образом, дворянство претендовало не только на привилегии, но и на политическую власть²⁰⁷.

Мотивация главного требования дворянства, освобождения от службы, изложена в докладе Комиссии о вольности дворянства, созданной в 1763 году Екатериной II. Одним из аргументов была необходимость личного ведения помещиком своего хозяйства. Но главным доводом был пример Европы. Если будет подтверждено право дворян служить по своей воле, говорилось в докладе, то «тем уподобится российское дворянство всем просвещенным в Европе государствам». В докладе отмечалось также, что ливонское дворянство — часть дворянства империи — уже обладает такими правами²⁰⁸.

Дворянство стремилось также к установлению права собственности на свои земли. Само понятие собственности было до XVIII века фактически неизвестно в России. «Все подданные царя открыто признают, что все они целиком и все их имущество принадлежат Богу и царю», — писал в конце XVII столетия Я. Рейтенфельс²⁰⁹. Само слово «собственность», введенное в употребление Екатериной II, представляет собой кальку с немецкого слова «Eigentum» — и очевидно, это юридическое понятие является продуктом вестернизации²¹⁰.

Таким образом, *в основной своей части дворянская программа следовала идее вестернизации*; она была обусловлена новой волной диффузионного влияния Европы.

2.10. ОСВОЕНИЕ ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Возвращаясь к анализу социально-экономического развития в 1720–1740-е годы с точки зрения демографически-структурной теории, нужно отметить, что многие наблюдаемые в это время явления подпадают под определение ситуации перед брейкдауном. Действительно, мы наблюдаем малоземелье в Центральном регионе, прекра-

щение роста населения, голод и нищету, тяжелое положение элиты, ее раскол и фрагментацию, ожесточенную борьбу элиты с государством за ресурсы.

Исходя из теории, можно сделать вывод, что следствием этой ситуации мог быть полномасштабный кризис, подобный тому, который произошел в правление Ивана Грозного — более того, что кризис уже начался в 1724–1726 годах. *Однако дальнейшее развитие кризиса было предотвращено расширением экологической ниши — колонизацией Черноземья и поставкой хлеба этого региона в центральные губернии.* Такое развитие событий стало возможным благодаря строительству оборонительных линий на Юге и общему усилению военной мощи России — то есть благодаря военной революции и мобилизации ресурсов на военные цели. Вторжение русской армии в Крым в 1735–1739 годах нанесло решающий удар крымским татарам и практически лишило их возможности производить набеги на южные области России. Таким образом, с одной стороны, перераспределение ресурсов в пользу государства приблизило Сжатие в центральных районах, с другой стороны, оно обеспечило колонизацию Черноземья и предотвратило перерастание Сжатия в экосоциальный кризис.

Классическая теория демографических циклов делит цикл на три периода: периоды восстановления, Сжатия и экосоциального кризиса. В российском случае влияние технологического фактора, военной революции, привело к тому, что вслед за периодом восстановления начался период расширения экологической ниши, период колонизации новых земель, *период роста.*

Колонизация Черноземья позволила наладить снабжение Центрального района привозным хлебом. Мы употребляем традиционное понятие «Центральный район» для обозначения семи центральных губерний: Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Тверской и Калужской. Этот район позже, с развитием промышленности, стали называть также «Центрально-промышленным», чтобы отличать его от «Центрально-Черноземного района», включающего Тульскую, Рязанскую, Курскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии. В XVIII веке, однако, перечисленные черноземные губернии еще не составляли центра Российского государства, а располагались вблизи южной границы — поэтому мы будем называть эти семь губерний просто «Черноземным районом» или кратко «Черноземьем».

Колонизация черноземных областей была важнейшим процессом, определявшим экономическую жизнь России XVIII века. В период с 1678 по 1719 год население четырех черноземных губерний

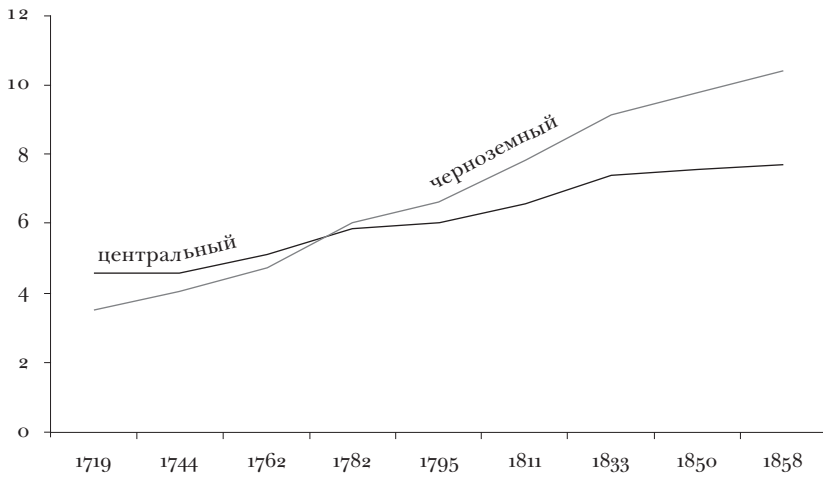

рис. 2.1. Рост численности населения Центрального и Черноземного регионов (млн.)²¹².

увеличилось с 0,8 до 2,1 млн. человек — в основном за счет переселенцев и беглецов из Центрального региона²¹¹. Население изобильного Черноземья росло гораздо быстрее, чем население обделенного почвами и климатом, и к тому же перенаселенного Центра, и к концу столетия Черноземный регион обогнал Центральный по численности населения (рисунок 2.1).

Южные помещики из числа высшей знати владели обширными пространствами незаселенных земель — и чтобы привлечь на них поселенцев, они предоставляли им льготы и укрывали беглых. И. Т. Посошков писал, что у знатных землевладельцев на Юге населены беглыми крестьянами «целые села великие». Князь А. Д. Меншиков в своих трех огромных вотчинах требовал с крестьян лишь небольшой оброк: в переводе на хлеб около 2–3 пудов с души²¹³. На юге Черноземья, в Воронежской и Курской губерниях такой уровень оброков сохранялся и в 1760-х годах. Крестьяне на Черноземье имели большие надель, около 2,5 десятин пашни на душу²¹⁴. «Великое число земель и легкая работа дают способ земледельцам великое число земли запахивать, — писал князь М. Щербатов, — так что во многих местах они четверть жатвы своей отдают приходящим из Московской губернии за то, что помогают хлеб их убирать»²¹⁵. О найме работников «немалой платой» говорят и ответы на Сенатскую анкету 1767 года из Тамбовской губернии²¹⁶.

Около половины населения южных губерний составляли однодворцы, которые прежде несли пограничную службу в драгунских полках, затем в ландмилиции, а после ее расформирования (в 1780-х годах) превратились в государственных крестьян. Топографическое описание Курской губернии 1784 года говорит, что средний двор государственных крестьян имел 5 лошадей, 5 коров и чистый сбор в 300 пудов хлеба — в 3–4 раза больше, чем нужно для потребления. По ответам на анкету Вольного экономического общества 1765 года в Острожском уезде Воронежской губернии у средних крестьян было 5–15 коров, а у зажиточных — 15–50 коров (для сравнения: во Владимирской губернии на двор приходилась в среднем 1 лошадь и 1 корова)²¹⁷.

О жизни тех времен повествуют рассказы стариков, записанные священником из села Ольшаницы (Орловская губ.) в 1850 году: «Старики со слезами вспоминают золотой век, когда предки их жили без нужды и без горя. Денег было мало, и они были почти не нужны. Продавая за 3 алтына меру пшеницы за 300 или 400 верст, они клали алтыны в горшки. Из алтынов составлялись у них сотни рублей. Кто имел 100 рублей, считался богатеем беспримерным. „Не живи, — говаривали, — 100 рублей, а имей 100 друзей“. Пчеловодство, множество хлеба и скота позволяли варить для себя мед, пиво, водку и делали стариков роскошными без всякого ущерба для их состояния. „Поглядел бы, — говорили они, — на тогдашние праздники. То-то ли бы было! Бывало, выставят на стол меду кисейного, пресного, перегонного, пива, а вина-то — хоть залейся!“»²¹⁸

Высокий уровень жизни на Черноземье объяснялся сравнительно высокой урожайностью и легкостью обработки почв: на обработку десятины ржи здесь требовалось почти вдвое меньше времени, чем в Центральном районе²¹⁹. Попробуем приблизительно оценить продуктивность десятины черноземных полей. Во второй половине XVIII века высеv ржи составлял около 10 пудов на десятину, высеv овса — около 12 пудов. Урожайность в середине столетия составляла сам-4,6 для ржи и сам-4,2 для овса²²⁰, и в среднем десятина давала примерно 25 пудов чистого сбора (а в нечерноземных областях — 15 пудов). Без привлечения наемной силы крестьянин мог обработать (и обрабатывал в XIX веке) 2,2–2,5 десятины черноземной пашни на душу населения²²¹. Следовательно, на одного крестьянина (крестьянку), при условии полной отдачи сил приходилось 55–62 пуда! Крестьянину же было вполне достаточно 20 пудов, и ему было некуда девать такое количество зерна: ведь везти приходилось за 300–400 верст. Таким образом, становится понятной легенда о золотом веке, ходившая среди крестьян Черноземья — а также

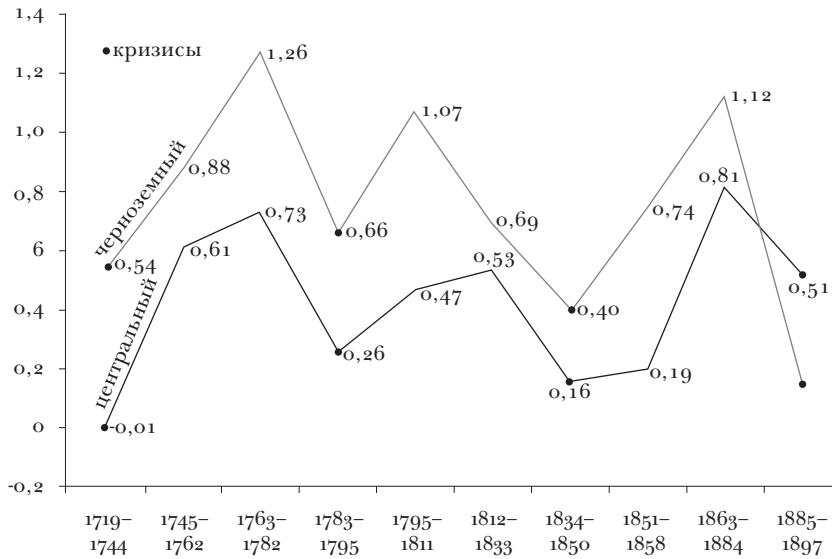

рис. 2.2. Темпы роста населения по регионам (%)²²³.

и то, что в действительности, как показал Л. В. Милов, крестьяне в те времена не обрабатывали полностью своих больших наделов²²²: это было просто ненужно. Становится понятным также и то, какую огромную выгоду могла принести помещикам организация товарного производства зерна на Черноземье — если в центральных областях максимальная рента составляла 7–9 пудов с души, то в черноземных областях она могла составлять 15, 20 и более пудов!

Легенда о золотом веке повествует о патриархальных временах, когда на Юге еще не было товарного производства хлеба и барщинных латифундий. В 20-е годы XVIII века общий объем хлебной торговли оценивался лишь в 2,5 млн. пудов²²⁴ — это было до начала промышленной специализации Центра, когда промысловые села стали кормиться хлебом Черноземья. В 30-е годы поставки с Юга возросли; они осуществлялись гужевым транспортом из ближайших к Центру тульских и рязанских черноземных районов, а также водным путем: в 1737 году в Москву было доставлено 1 млн. пудов зерна из Орловской губернии²²⁵. По некоторым оценкам, в 1730-х годах общая масса товарного хлеба (с учетом винокурения) достигла 10 млн. пудов²²⁶. Как отмечают И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, в 1740–1750-х годах происходило формирование Московско-Черноземного регионального хлебного рынка, и стремительно рос товарный оборот хлеба.

В 1780-х годах реализация товарного хлеба лишь по двум черноземным губерниям, Орловской и Курской, оценивается в 24 млн. пудов²²⁷. Очевидно, именно поставками с Юга объясняется наблюдавшееся в это время падение цен на рожь в Центральном районе: эти цены уменьшились со по копеек за четверть в среднем в 1741–1750 годах до 87 копеек в 1751–1760 годах²²⁸.

Налаживание хлебного снабжения способствовало выходу Центральных областей из состояния Сжатия, в котором они находились на протяжении 1720–1730-х годов. Вероятно, некоторую роль сыграло и отмечавшееся в это время увеличение урожайности (см. таблицу 2.1). В 1740–1750-х годах население Центра снова стало расти (рисунок 2.2), хотя темпы роста были меньше, чем на Юге. Антропометрические данные говорят о некотором увеличении роста рекрутов, родившихся в 1740-х годах — то есть об увеличении потребления²²⁹.

В результате увеличения поставок с Юга крестьяне Центрального района получили возможность заниматься промыслами и обменивать ремесленные изделия на черноземный хлеб. В Московской губернии стали расти промысловые села, в Измайловском, Покровском, Тайнинском развивается текстильное производство, в Гжельской волости — производство посуды. По некоторым подсчетам, к 1760-м годам до двух третей крестьянского населения Московского уезда наряду с сельским хозяйством занималось домашними промыслами. Крестьяне стали конкурентами посадских ремесленников и купцов-мануфактуристов, которым традиционно принадлежало исключительное право заниматься торговлей и ремеслами; помещичьим крестьянам разрешалось торговать лишь съестными припасами с возов. Купцы и посадские люди подавали жалобы на крестьян, нарушающих эти правила, и в начале 1750-х годов было издано несколько строгих указов, по которым никому, кроме настоящих «фабрикантов», не разрешалось выработать промышленные товары. Однако крестьянское производство ремесленных изделий не только продолжало существовать, но и расширяться. В конечном счете ряд указов, изданных в начале правления Екатерины II, дозволил крестьянам свободно заниматься ремесленной и промышленной деятельностью²³⁰.

Развитие промыслов и появление у крестьян новых ресурсов не осталось незамеченным помещиками — и они сразу же стали увеличивать оброки. Если раньше, на протяжении почти столетия, средний оброк составлял около 25 копеек с души и 50 копеек с души мужского пола, то данные 1742 года говорят о росте ренты примерно до 80 копеек с души мужского пола. К концу правления Елизаве-

ты оброк крестьян на суздальщине и ярославщине достигал 1 рубля 34 копейки с души мужского пола или 5,9 пуда в пересчете на хлеб (см. таблицу 2.2). Оброк с государственных крестьян, составлявший со времен Петра 40 копеек с души мужского пола, в 1745 году был увеличен до 55 копеек, оброк с дворцовых крестьян, формально также равнявшийся 40 копейкам, в 1743–1750 годах составлял в среднем 67 копеек. В 1755 году дворцовый оброк вырос до 1 рубля с души мужского пола, а в 1762 году — до 1 рубля 25 копеек. Поскольку оброк дворцовых и государственных крестьян всегда рассматривался как эквивалент тех оброков, которые платят своим хозяевам помещичьи крестьяне, то его рост был отражением роста ренты в помещичьих хозяйствах. В 1761 году оброк государственных крестьян был увеличен до 1 рубля, и в указе особо отмечалось, что почти все помещичьи крестьяне уже давно платят такой оброк своим владельцам²³¹. В отношении барщины у нас не имеется статистических данных, но характерно, что в это время появляются помещичьи инструкции, вводящие невиданные ранее нормы отработок — до 1 десятины на душу²³².

2.11. ВЫВОДЫ

В какой мере трехфакторная модель может объяснить развитие России в первой половине XVIII века?

Основным фактором, определявшим это развитие, в начале столетия был *технологический*. Новая военная революция, слившись с диффузионным влиянием, резко ускорила процесс вестернизации России. Создание империи, прежде всего, означало решительную *трансформацию структуры*: появление нового структурного элемента, постоянной регулярной армии, отягчение служебных повинностей дворянства, создание нового чиновничества и реформирование элиты, перераспределение ресурсов в пользу государства, значительное увеличение налогов на крестьян. Мобилизация ресурсов позволила создать мощную армию, которая утвердила господство России в Восточной Европе. С точки зрения демографии, наибольшее значение имел не выход России к Балтийскому морю, а прекращение татарских набегов, и в дальнейшем — завоевание Крыма. Это сделало возможным освоение обширных областей Южного Черноземья, что означало новое значительное расширение экологической ниши русского этноса. Колонизация Черноземья была основным содержанием экономической истории России XVIII века, поэтому мы выде-

ляем этот период как особый период российского демографического цикла, *период роста*.

Однако процессы колонизации Черноземья и роста общей численности населения перемежались с эпизодическим Сжатием в Центральном районе. Сжатие, которое должно было проявиться здесь с естественным ростом населения, было ускорено резким увеличением налогов при Петре I. Преобразовательный экстремизм Петра выразился в чрезмерной мобилизации средств на строительство Петербурга и в конце концов привел к *структурному кризису* 1723–1726 годов. Этот кризис сомкнулся с *традиционалистской реакцией* на петровские реформы и вызвал некоторое сокращение налогов и военных расходов, а также временный отказ от строительства Петербурга.

В правление Анны Иоанновны к власти пришла немецкая партия, которая закрепила результаты вестернизационной политики Петра. При этом уровень налогов оставался высоким, и Сжатие в Центральном районе продолжалось. Анализ в рамках неомальтузианской теории обнаруживает в этот период такие характерные признаки *Сжатия*, как *низкий уровень потребления основной массы населения, приостановка роста населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, развитие ремесел и торговли*. Наблюдается отток населения на юг, однако города растут по-прежнему медленно, что объясняется трудностью переселения из деревни в условиях крепостного права.

Анализ структурной динамики показывает, что усиление давления государства на элиту при Петре I вызвало противодействие, которое в 1730-х годах стало более активным. Внутренняя динамика элиты, увеличение ее численности и уменьшение размеров поместий, в соответствии с демографически-структурной теорией подталкивала дворянство к более активной борьбе. На динамику элиты оказывал важное влияние и диффузионный фактор: вестернизация постепенно пробуждала в дворянстве стремление к роскоши, что требовало увеличения его доходов. Наиболее важным аспектом борьбы между государством и дворянством был вопрос о распределении ресурсов. В условиях, когда совокупные поборы с крестьян Центрального района уже не могли быть увеличены, этот вопрос в значительной степени сводился к проблеме соотношения размеров ренты и налогов.

По совокупности признаков социально-экономическая ситуация в 1720–1740-х годах может быть охарактеризована как ситуация накануне брейкдауна, однако кризис был преодолен за счет расширения экологической ниши, достигнутого в результате колонизации Чер-

ноземья. В то же время эта колонизация была невозможна без мобилизации ресурсов и создания новой армии — таким образом, в конечном счете именно этатистская военная мобилизация позволила избежать катастрофы, которая теоретически была вполне возможна.

В своей борьбе с государством элита использовала традиционалистские лозунги, и переворот 1741 года означал не только поражение абсолютизма, но и некоторый возврат к традиционализму. Это проявилось, прежде всего, в возврате к традиционно мягким, допетровским, условиям службы дворян. Кроме того, государство было вынуждено пойти на уступки в вопросе распределения ресурсов, что выразилось в частичной замене прямых налогов косвенными и поощрении дворянского винокурения. Однако это было лишь временным компромиссом между этатистской монархией и дворянством — решающая борьба была еще впереди.